

Виктор Бурцев
Охота на НЛО

«Автор»

2001

Бурцев В.

Охота на НЛО / В. Бурцев — «Автор», 2001

В тихом российском городке, в просторечии называемом глубинкой, убит старик-рыболов. В ходе расследования выясняется, что убитый – генерал КГБ и до войны служил в Эстонии. Капитан милиции Сергей Слесарев, умело раскручивая дело об убийстве генерала, докапывается до потрясающих фактов... Оказывается, в их городе все это время существует и успешно работает строго засекреченный исследовательский комплекс, созданный в целях детального изучения неопознанного летающего объекта, шестьдесят лет назад сбитого в небе над Эстонией. С риском для жизни капитан продолжает свое удивительное расследование. Но с прибытием в город якобы для обмена опытом эстонца Хейти Карутара, следователя отдела служебных расследований Полиции Безопасности, ситуация резко обостряется и требует от всех заинтересованных лиц действовать на пределе своих возможностей, а то и за их пределами...

© Бурцев В., 2001

© Автор, 2001

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	17
ГЛАВА 4	22
ГЛАВА 5	27
ГЛАВА 6	32
ГЛАВА 7	36
ГЛАВА 8	41
ГЛАВА 9	45
ГЛАВА 10	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Виктор Бурцев

Охота на НЛО

Работникам спецслужб планеты Земля ПОСВЯЩАЕТСЯ

Совпадения имен и географических названий, упомянутых в книге, с реально существующими – случайны.

ПРОЛОГ

*Вечная весна в одиночной камере.
Егор Летов*

– Знаете, я тут сопоставил... – Сухощавый человек в телогрейке аккуратно поставил миску с мутной жижей на край стола. – В продолжение нашего разговора хочу сказать, что вы все-таки не правы. Вернее, не совсем правы.

– Извольте. – Его собеседник глухо закашлялся, сплюнул на земляной пол.

– Я о самой сути террора. Так ли уж все ужасно?

– Загляните в свою миску и вы поймете, что ужаснее не бывает, – посоветовал собеседник. Он был моложе сухощавого, в осанке сохранилась военная выправка, по щеке змеился шрам.

– Миска... – рассеянно улыбнулся сухощавый, садясь на скамью. – Миска – это не панацея. Господь с ней, с миской и с ее содержимым. Кстати, кажется, сегодня там есть и мясо. Ну да не о том. Значит, террор. Я полагаю, что все это не так уж и необоснованно. Знаете, мы смотрим на эти вещи снизу, с точки зрения пострадавших. Нас заломали, уложили на лопатки, и мы, конечно же, обижаемся. Мы склонны брюзжать, мы недовольны пищей, нам не нравится, что нам дают в руки лопаты и заставляют рыть каналы и котлованы. Естественная реакция человеческого существа.

– Согласен. И что же?

– Возьмем Тухачевского. – Сухощавый зачерпнул немного супа, попробовал, почмокал губами. – Недосолено... Тухачевский, м-да. Я сталкивался с ним в двадцать шестом году, знаете, в наркомате. Имел беседу в числе нескольких других научных работников. Фанфарон, трувер, трубадур. Читывал и его творчество, хотя и не военный. Ничего разумного не нашел, признаюсь. А вот относительно его сношений с Троцким, знаете, с некоторых пор я разделяю позицию товарища Сталина. Нет-нет, не из низкопоклонства. Из чистой логики. Я понимаю, что мне сидеть тут очень долго и, скорее всего, в этом котловане я и умру, но Тухачевский, Якир, Уборевич, Алкснис, Гамарник... Вспомните, ведь все это – люди Троцкого, его ставленники, его золотая жила. И очень жестокие, знаете, люди. Каратели, вешатели – вспомните Гражданскую, ликвидацию банды Антонова, Польшу, рассказывание. Так что Иосифа Виссарионовича можно понять.

Собеседник сухощавого молча жевал хлеб. Потом, качнув головой и покосившись на соседа слева, самозабвенно хлебавшего суп, согласился:

– Да, логика – вещь такая. Я с Тухачевским лично не знаком, но труды читал, читал. И Егорова читал, и Блюхера. С Дыбенкой знаком... был. Армии... конечно, от них ничего путевого – пшик один. «Нам нужно сто пятьдесят тысяч танков и самолетов». Шапками закидаем. Но что это объясняет?

– То, дорогой мой, что мы не просто так здесь сидим. Каждый из нас выполняет свою особую заслуженную миссию. Вот вы у нас кто?

– Комкор.

– Это раньше вы были комкор, знаете... А теперь вы японский шпион. Так? Вопрос: почему? Потому что истинная ваша вина в другом, в чем-то, чего вам предъявлять вот так открыто не собираются. Вспомните, поройтесь в памяти и что-нибудь найдете. – Сухощавый проглотил несколько ложек супа и продолжал: – Хотя многим предъявляют как раз конкретику, а они стараются отбелиться, виноватых ищут. Вон за тем столом сидит Рындин, директор строительного комбината. Украл, знаете, три вагона цемента высшей марки, а теперь жалуется, пишет товарищу Сталину, товарищу Калинину. Дескать, он не вредитель и не враг народа. А вот комбриг Гессе сидит за аварию на вверенном ему военном аэродроме, виноват во всем лично он. Тоже считает себя обиженным, пишет. И диввоенюрист Мезис пишет, хотя сам полгода назад приговоры пачками строчил... А я вот не пишу, знаете. Я думаю.

– Думать-то вам не так много осталось, зима на носу, – невесело ухмыльнулся бывший комкор. – Заканчивайте с супом, сейчас смена придет.

– Да-да... – Сухощавый вылебал суп и поднялся. – А вы все-таки подумайте, знаете... Угостите махорочкой?

– Естественно.

Они вышли на крыльцо, сошли с него и встали под навесом, укрывшись от холодных колючих капель.

Можно было отдохнуть еще минут пять – семь, и они разделили на двоих маленький окурочек.

– Так вы думаете, мы тут все кающиеся грешники? Да вы религиозный фанатик, да еще и фаталист, притом опасный, – заметил комкор.

– Так ли уж опасный? – блеюще засмеялся сухощавый. – Опасный – это уж скорее вы. Я ни одного человека в жизни не убил, не обидел – если только словом. А вы – убийца кадровый, профессиональный, вас этому в Академии Генштаба учили. Так что про опасность говорить не будем. А вот про фатализм – это да. И про кающихся грешников абсолютно с вами согласен. Так что побуду грешником еще немного... Да, а вас откуда забрали?

– Из Туркестана.

– А меня – из Эстонии, из Таллина. До того жил в Ленинграде, потом перевели в Таллин, и вот... Стоило ли переводить? Я шкаф старинный с таким трудом перевез, где он теперь? Только-только успел в курс дел войти в институте...

– А что за институт? – поинтересовался комкор, обжег пальцы окурочком и бросил его в грязь.

– Институт, знаете, закрытый во всех смыслах, секретный то бишь. Но мы-то с вами все тут секретные и закрытые, так что скажу: институт не очень хороший. Как раньше бы сказали, богомерзкий. И, предвидя ваш вопрос, скажу, что мой грех, за который я тут котлованы рою, как раз в этом институте и возвращен, хотя работал я там всего четыре месяца. И когда меня забрали по пустяковому, в общем-то, обвинению, я понял и сделал для себя вывод: заслужил. А вы говорите – фаталист, фанатик...

– Так что там в институте? – всерьез заинтересовался комкор.

– Знаете, вон кум идет, сейчас погонят нас работать. – Сухощавый поморщился. – Поговорим вечером, если только он у нас будет, этот вечер...

ГЛАВА 1

*Когда я умер, не было никого,
Кто бы это опроверг.*

Егор Летов

Старичок лежал лицом вниз в густой траве. Рядом валялась опрокинутая баночка из-под индийского кофе, из которой давно уже расползлись червяки, счастливо избежавшие участи наживки. По узенькой стариковской спине, облаченной в серый пиджачок, сновали рыжие муравьи.

– Ребята с удочки во-от такого подлещика сняли, – сказал Зотов, подходя и отмеряя на руке сантиметров тридцать. – Поплавский себе забрал: я, говорит, его вываживал. А вторую удочку унесло, вон, в тине болтается на самой середине.

– Хрен с ним, с подлещиком. – Сергей согнал с запястья толстого желтого комара. – Что с дедом?

– Деда качественно пристрелили из мелкокалиберного пистолета. Эксперт говорит, что-то типа «эрмы» или в этом роде. В висок. Судя по всему, поставили предварительно на колени и хлопнули.

– Насчет личности прояснилось что-нибудь? – Нашли в кармане конверт старый, там адрес. Может, его, а может, еще чей... Проверяем. Улица

Урицкого, 40 – 28, Корнеев Борис Протасович. Если что узнают, позвонят.

Сергей подошел к бережку, спустился по скользкой глине к воде. От реки пахло рыбой, сыростью и мокрой травой. «Давно на рыбалку не выбирался, – подумал Сергей. – И не только на рыбалку: ни по грибы, ни по ягоды, ни вообще за город... Только по таким вот делам скорбным. На прошлой неделе бабу в лесополосе на антрекоты посекали, теперь вот деда застрелили. Интересно, что такого старый хрыч сотворил, что его так кинематографически умертвили? Надо же – на колени поставили...»

– Петрович! Петрович!

Это кричал Зотов. Он стоял возле УАЗика и призывно махал руками.

Сергей уцепился за нависающую над водой иву и взобрался наверх.

– Старичок-то наш непростой, Петрович, – уныло сказал Зотов. – Звонил мне сейчас Кузькин, проверили они адресок. Его адресок. Потому садись-ка ты в машину и езжай в город, а я уж тут посмотрю.

До города Сергей добрался за двадцать минут и вскоре уже сидел в архиве со стаканом мутного чая в руке, выделенным добрым архивариусом Шнейдером. Чай отчетливо пах баннным венником, и Сергей пить его не собирался, но и вылить не мог, дабы не обижать архивариуса.

Старичок и впрямь оказался не простым, а с загогулиной. Да и не старичок он был вовсе. Хотя как посмотреть: по годам вроде и старичок.

Корнеев Борис Протасович. Родился 21 октября 1909 года. Е-мое, годков-то старикану! А он еще рыбу ловил всюю. Крепенький, однако...

Сергей прочел следующую строку и вздохнул. Ну еще бы. Не зря Зотов так встревожился. Генерал-майор в отставке. Товарищ Корнеев славно потрудился в свое время в НКВД-НКГБ СССР, заработал Ленина, два Боевых Красных Знамени, Знак Почета, три Красных Звезды... Почетный чекист... Именное оружие... И послужной списочек любопытный: учился, старался и угодил сразу в аппарат НКВД Украины, потом в Москву перебрался, уже в НКГБ, не столь частая вещь в то время, учитывая соперничество контор. С 1940 года – в Эстонии, только-только объявившейся в составе Советского Союза. Там был до войны, потом короткое время

работал в Чебоксарах, далее – Смерш. На фотографии военных времен старичок был бодрым молодым человеком в форме и португее, рядом – какой-то тип с тремя шпалами. После Смерша – КГБ, аппарат Семичастного, а в 1972 году – отставка. Ну, для почетного чекиста это не возраст, и не по болезни вроде бы... Насолил кому-то старичок, насолил. Кто у нас тогда был председатель КГБ? Серов? Или Андропов? Или еще кто?

Ладно, не суть важно. Главное, не ко двору пришелся дедушка генерал.

Детей у Бориса Протасовича не случилось, жена, Марина Михайловна Корнеева, урожденная Толкач, пропала без вести в 1941 году во время эвакуации из Таллина. С тех пор Борис Протасович не женился, что, собственно, ни о чем не говорит. Родственников вроде никаких и не осталось.

А надо бы посмотреть квартирку покойного, вот что надо сделать... Живет он на Урицкого, совсем недалеко, все равно придется там копать, так чего откладывать?

Архивариус, что-то напевая под нос, возился у себя в комнатке, и Сергей аккуратно вылил содержимое стакана в крысиную нору в углу. Крысы обитали в архиве в изобилии, но бумаг не жрали – видимо потому, что с правой стороны к архиву примыкала столовая троллейбусного парка, где еды было предостаточно.

– Уже закончил, Сережа? – поинтересовался Шнейдер, высовываясь.

– Да, Арон Никифорович, спасибо.

– Может, еще чайку?

– Нет, Арон Никифорович, спасибо, побегу... Бумаги я у вас возьму на время, ладно?

– Ну, вообще-то... – Шнейдер скорчил начальственную мину и махнул рукой: – Кому они нужны-то. Бери, конечно.

Местожительство покойника на Урицкого оказалось в сталинском доме с лепниной, окрашенном в унылый буро-зеленый цвет. Найдя ЖЭУ и понятых в виде двух старух, прихваченных с лавки, Сергей в компании участкового, от которого ощутимо пахло пивом, поднялся на третий этаж. Слесарь из ЖЭУ открыл дверь и удалился, говоря:

– Не люблю на покойников смотреть. Прошлый месяц старушенция в соседнем доме померла, две недели валялась, пока вспомнили... Чуть не сдох, когда открыл. Водкою еле отпился.

Сергей не стал ему объяснять, что покойник отсюда далеко, и вошел внутрь.

Жил старик бедновато, из предметов роскоши – один телевизор, зато «Шарп». В небольшом стеклянном ящике на подоконнике сидела рыжая морская свинка и печально смотрела на вошедших.

– Свинка никому не нужна? – рассеянно спросил Сергей, озираясь. – Подохнет ведь.

– Крыса-то? – испугались бабки. – Упаси Господь. Пакость какая.

В общем-то ничего они не нашли. Собрания сочинений Ленина и Сталина на полках, Шолохов, Симонов, неожиданно Пастернак и Солженицын. Хотя почему неожиданно? Солженицына многие старые чекисты не прочь почитать. Для смеху, как говорил казанский дядя Кузя, в свое время работавший в Устьвымлаге. Много чего там Солженицын наворотил. Ну, оно и понятно: сидел человек, обиделся на весь свет, чего ж ему дифирамбы распевать.

Сергей прошелся по комнате.

Пожелтевшие фотографии каких-то чекистов за стеклом в рамках, Большая советская энциклопедия пятидесятых годов... Древний дешевый хрусталь, в мойке – грязные тарелки, стаканы. В допотопном холодильнике «Саратов» кисла пачка сливочного масла, в морозилке обнаружился серый слиток пельменей. Старик довольно много пил – угол кухни был заставлен бутылками из-под «Столичной» и пива.

Никаких архивов, любопытных бумаг и даже именного оружия Сергей не нашел. В деревянном ларчике – ордена и медали, каждая награда заботливо завернута в тряпицу. Здесь же

небольшой кинжальчик в черных ножнах, на них табличка с гравировкой: «Тов. Корнееву Б. П. от друзей. 12.10.1949».

Бабки откровенно зевали и переговаривались насчет событий очередного сериала, участковый принялся икать и пошел в ванную пить воду.

– Что старичок-то, спокойный был? – спросил Сергей у старушек.

– Покойник-то? Тихий... – закивала одна, в платочке с символикой московской Олимпиады 1980 года. – Бывало, здоровался все, на скамеечке уважал посидеть, про политику поговорить... Ельцина сильно ругал, да кто ж его не ругает.

– Ходил к нему кто-нибудь?

– Да кто к нему придет... Один как перст.

– Хорошо...

Еще полчаса поисков не дали абсолютно ничего. Все, что могло хоть как-то пригодиться – несколько записных книжек и альбом с фотографиями, – Сергей забрал с собой, квартиру опечатали, и он направился к месту работы.

Зотов уже сидел в кабинете, листал подшивку «Плейбоя» за 1997 год, невзлюбив как попавшую в свое время в дежурку. Завидев Сергея, он поднял журнал и возопил:

– Смотри, какие сиськи!

– Силиконовые, – пренебрежительно сказал Сергей, сгоняя его со своего стула.

– Иди ты... Смотри, как висят. Силиконовые так не висят.

– А ты их видел, силиконовые?

– В натуре не видел, а по виду – сколько угодно.

– Силиконовые так не усечешь. Вот когда на спину ляжет, они вверх торчат, а настоящие должны на две стороны разваливаться, – поучительно сказал Сергей.

Зотов выпучил глаза:

– Откуда знаешь?

– Памелу Андерсон имел однажды... Шучу. Ладно, что там с дедом?

– Что и всегда: вскроют деда, пульку достанут... Облазили там все, как ризеншнауиеры...

– Как кто? – не понял Сергей.

– Ризеншнауцеры... Собаки такие. Кусты, траву, у берега аквалангист понырлял... Удочку вторую достали, пустая, сволочь.

– Ничего не нашли?

– Я ж говорю – пустая. А клевал кто-то. Наживку съели...

– Я не про удочку!

– А-а... Нет, ничего. Следов никаких особенных, окурков тоже... Гильзу и ту не нашли.

Или с собой забрал, или, к примеру, в речку закинул подальше. Там глубоко, на середине метров семь: воронки, во время войны бомбили. Короче, потенциальный висяк. Но кое-что все-таки есть.

Отвлечшийся было на журналы Сергей развернулся в кресле.

– Что?!

– А-а, завело! – захихикал Зотов. – То-то я на самый конец приберег. Прямо возле дедушки, на глиняной проплешины, веточкой было нацарапано... Сейчас, я на бумажку переписал специально.

Зотов покопался в кармане пиджака и достал сложенный в несколько раз листок в клеточку. Развернул и прочел:

– Коерасурм.

– Чего-о? – вытаращил глаза Сергей.

– Коерасурм, – с гордым видом повторил Зотов. – Написано не нашими буквами, английскими. Вот, смотри.

Сергей посмотрел, пожал плечами:

– Бессмыслица какая-то. Коерасурм... Это не английский. И не немецкий. Хотя черт его знает... Сними мне копию, а листик покажи нашим умникам, может, чего выведает. Эксперт надпись скопировал?

– Обижаешь. Загипсовал в лучшем виде. Слушай. – Зотов понизил голос. – Старичок-то контрразведчик, может, его спецслужбы кокнули?

– Контрразведчиком он был, положим, энное количество лет назад, а с тех пор – обыкновенный советский пенсионер. Ну, заберут дело гэбисты, – развел руками Сергей. – Нам-то что? Только жить будет легче, а им – головная боль. Но думаю я, брат Зотов, что возиться нам с этим покойничком не перевозиться... А посему пойдём-ка грохнем пивка, все равно наш в Москве, а Тутушину до нас дела никакого нет. Согласен?

В пивбаре «Золотая рыбка» их знали хорошо. Официантка Даша вытерла мокрый стол и сказала приветливо:

– Сегодня свежее «Нахимовское», только что открыли.

– Четыре «Нахимовских», радость моя, – игриво сказал Зотов – И рыбки.

– Тарань сыровата, – предупредила Даша. – Тогда гренки, только посоли побольше, – распорядился Зотов

В ожидании заказа они закурили. В подвальном помещении «Рыбки» витал тяжкий пивной дух, в углу работал телевизор, крутили какие-то клипы, под которые танцевали медленный танец толстый очкастый мужик и потасканная бабенка лет тридцати с гаком. Поодаль пил пиво прапорщик Казачок из ППС.

– Эй, Казачок, ты засланный? – избито пошутил Зотов. Прапорщик покачал большой головой:

– Все шутите, товарищ старший лейтенант? Вон в СОБРе новый замкомандира вообще Убиймуха по фамилии... Из Подольска переведен. И ничего!

– Что у вас нового в патрульно-постовой?

– А что у нас нового. – Прапорщик ухватил свой бокал и по-свойски подсел за стол. – Ходим, бродим. Сержанта Карамышева мотоциклист задавил.

– Насмерть?

– Ногу отдал. Байкера ловили, Карамышев руки растопырил, думал, не поедет, а он прямо на него.

– Поймали?

– Удрал, сволочь.

– Ваша служба и опасна, и трудна, – заметил до сих пор молчавший Сергей. Прапорщик обиженно фыркнул и залпом выпил оставшееся пиво.

– А у вас, слышал, убийство очередное?

– Земля слухом полнится, – вздохнул Сергей.

– Пивком угостите, товарищи офицеры?

– Бог подаст, – сказал жестокий Зотов. – Иди работай.

– У меня отгул.

– Значит, отгуливай. Нам с капитаном поговорить надо.

Казачок снова обиженно фыркнул и удалился. Тут же принесли пиво и гренки в большой фаянсовой тарелище с надписью «Общепит», и жить стало легче.

– Постой, постой, – востепенулся Сергей, сделав первый глоток. – Казачок у нас где раньше служил?

– В ППС и служил. Куда ж ему еще.

– Нет, до нас. До нашего города я имею в виду.

– В этом... Как его?... В Таллине, а что?

– Ну-ка, верни его скорей!

Зотов выскочил из-за стола и, едва не сбив с ног танцующую парочку, загрохотал вверх по лестнице. Через минуту он появился, увлекая за собой осоловелою прапорщика.

– Садись, Казачок. Пива хочешь?

– Не хочу, – сердито сказал прапорщик. – Что случилось? Только на лавочку присел...

– Дай-ка ему листок, – велел Зотову Сергей. Прапорщик развернул бумажку, посмотрел на нее, хмыкнул:

– Ну и что?

– Чего написано? По-каковски?

– По-эстонски. Про собаку вроде...

– Собаку?

– Ну. А вообще непонятно. Но про собаку, точно.

– Ага. Ну ладно, иди.

– А пиво?

– Ты ж не хотел. Будь последователен в желаниях. – Зотов похлопал прапорщика по плечу, и тот, кряхтя, убрел прочь.

– Вот так, брат Зотов. Собака какая-то появилась... Так что давай-ка под пиво еще по соточке «Женьшеневой» по этому поводу, – задумчиво сказал Сергей и сдул пену с бокала.

Даша принесла маленький графинчик с «Женьшеневой», стопочки. Зотов разлил.

– Не рано начинаем? – спросил он.

– Начинать никогда не рано. Кончать надо вовремя, – философски сказал Сергей. – Ну, за собаку?

– За собаку, – кивнул Зотов. – И за «кончать вовремя».

ГЛАВА 2

*Лишь слегка порезался, оказалось – наповал.
Егор Летов*

Когда колеса «Жигулей» в очередной раз бессильно заелозили по льду, разбрызгивая вокруг воду и ошметки талого снега, Хейти удрученно уткнулся лбом в дугу руля. Никакой форсированный движок не был способен вытащить автомобиль из ловушки, в которую превратилась загородная дорога. Тем более что водитель допустил досадную и, можно сказать, непростительную оплошность для человека с его опытом вождения. В результате чего «жигуленок» развернуло поперек дороги и намертво заклинило в двух оплывших ямках, бывших некогда колеями. Ямки были наполнены, как говорилось выше, коварным весенним коктейлем из воды, снега со льдом и, естественно, начисто отказывались выпускать из плена автомобиль Хейти.

Устало откинувшись на спинку сиденья, Хейти припомнил разговор со своим руководством, который велся в преддверии зимы именно о новом автомобиле. Тогда и без того чрезвычайно натянутые отношения с начальством едва не порвались окончательно. И только вовремя зазвонившая коробочка мобильного телефона не позволила Хейти обрадовать комиссара своим увольнением. Тот разговор закончился ничем, и в памяти всплыло вытянутое, худое, с глубоко сидящими глазами лицо комиссара, который цедил слова:

«... Мы не можем позволить служащим Полиции Безопасности менять машины, как перчатки. Такое поведение не делает чести никому, тем более следователю отдела служебных расследований. За вами закреплен автомобиль, будьте любезны использовать его. Мы не располагаем другими ресурсами. А даже если бы и располагали, то на очереди стоят сотрудники других отделов, вообще лишенные личного транспорта...»

– Мудак! – вслух произнес Хейти по-русски и начал вылезать из машины. Будучи патриотом Эстонии, он тем не менее отдавал должное русскому языку, особенно в критических ситуациях.

Хмурый эстонский вечер медленно сменялся такой же хмурой ночью. Было часов девять, а точнее, Хейти посмотрел на часы, восемь сорок пять, и темнота уверенно подминала под себя кусты и мелкие деревья справа и слева от дороги. Фары «жигуленка» упирались в подлесок не в силах развеять унылое настроение подступающей тьмы. Было мокро и холодно, а чего еще ожидать от ранней весны в Эстонии, состоящей на одну часть из болот, а в остальном – из озер, ручьев и луж.

Впрочем, так бывало не всегда. Однажды летом следователь отдела служебных расследований Полиции Безопасности Хейти Карутар, взяв очередной отпуск, отправился в пеший поход по родной республике. Даже он сам не смог бы сказать, что заставило решиться на подобный подвиг его – тучного человека, питающего страстную любовь к разного рода печеностям, пончикам, творожникам, блинчикам и плюшкам, которые так замечательно делала его мама, жившая в деревне.

Двигаясь по дорогам неожиданно жаркого лета – большая редкость для этого государства, кстати, – Хейти все глаза проглядел в поисках хотя бы ручейка, способного утолить жажду измученного путника. Неласковая северная природа начисто отказывала ему в этой скромной радости. Куда делись болота, ручьи и реки, прорезающие Эстонию от одной границы до другой и пропитывающие водой ее почву?

В конечном итоге источник, способный утолить жажду измученного путника, обнаружился на ферме. Там из какой-то трубы текла изумительная и холодная вода. Вскоре в дополнение к источнику рядом обнаружилась хозяйка фермы.

Весь свой отпуск Хейти так и провел на той ферме, отключив для верности мобильный телефон и наслаждаясь жизнью во всех ее проявлениях.

В кустах что-то хрустнуло, и суровая проза бытия напомнила Хейти о том, что он уже не на ферме летом, а посреди скользкой дороги ранней весной, машина безнадежно застряла, ботинки скоро промокнут, а до Таллина еще ехать и ехать.

За время раздумий темнота вокруг успела основательно сгуститься, и сейчас единственным источником света на дороге были передние фары автомобиля и его габариты.

– Может, толкнуть? – вяло спросил внутренний голос.

– Сдурел, – грубо возразил другой внутренний голос. – Машина стоит поперек дороги всеми четырьмя колесами в ледяных ямах.

– Ну и что? – агрессивно сказал первый.

– Ну и то, что упереться ногами тебе, собственно, не во что. А своим ходом машина отсюда не выберется. Это понятно?

– Понятно, – огорченно ответил первый внутренний голос и вздохнул.

Вздохнул и сам Хейти, потер лицо, а затем направился к водительской дверце. Опустил стекло, вывернул руль, уперся поудобней руками, напрягся... И едва не упал лицом в грязную воду, таким образом удовлетворив сразу оба своих внутренних голоса, которые уже было устроили перебранку между собой.

– А назад толкнуть? – робко спросил первый внутренний голос.

– В канаву? – удивленно переспросил второй.

– Нет, ну если аккуратнo... – начал было первый, но вскоре замолчал.

– И какого хрена тебе приспичило пилить в объезд? – этот вопрос уже адресовался самому Хейти. Ответить на него было трудно, поэтому он просто пожал плечами.

Темнота вокруг сгущалась все больше и больше. В голову лезли разнообразные неподобающие государственному служащему мысли. Вспомнились какие-то нелепые детские страхи, как врожденные, так и благоприобретенные позднее, в школьные годы. Возбужденное сознание упорно рисовало черно-белый портрет Кристофера Ли в роли зловещего графа Дракулы.

– Бред какой-то... – вслух произнес Хейти и забрался в машину.

В бардачке лежал пакет с пончиками, купленными на последней заправке. Пончики были еще теплыми и присыпанными сахарной пудрой. Приключение могло быть не таким уж и неприятным. Огорчало только отсутствие кофе.

Слегка закусив, Хейти начал рассуждать логично, что было полезно, и вслух, что было не так скучно.

– Ладно, что обычно принято делать в подобных ситуациях? – спросил он сам себя. И сам же ответил:

– Подкладывать что-либо под колеса!

– Например?

– Например, ветошь или еловый лапник. – При этих словах он посмотрел на стену леса, освещаемую фарами. Елей в пределах видимости не наблюдалось. Однако имелись другие деревья, ветки которых можно было условно считать лапником.

Из машины пришлось вылезать снова. Заглушив двигатель и открыв багажник, Хейти долго копался в наборе случайно подобранных инструментов, пока не обнаружил небольшой топорик, неведомо как затесавшийся в коробку с гаечными ключами.

«То, что надо», – мелькнула довольная мысль, и Хейти беззаботно начал спускаться в кювет.

До кустов с многообещающими ветками оставалось совсем немного, когда не приспособленные к таким приключениям ботинки ушли под снег, там под ними что-то хрустнуло, подалось и Хейти ухнул в снег по пояс. Однако этого злобным божествам показалось мало, под снегом был хрупкий ледок, который не мог удержать увесистого Хейти на себе. Ноги по колено провалились в ледяную воду.

Зло зарывчав, Хейти повалился вперед, стараясь на четвереньках выбраться с предательского места и с каждым шагом проваливаясь все глубже. Эта борьба так его захватила, что он опомнился, только когда выбрался на дорогу, устало дыша и совершенно не чувствуя холода. Как и когда он развернулся в сторону, обратную своему первоначальному плану, Хейти не смог бы точно сказать.

Снег, по которому прошел, а точнее прополз, Хейти, был вскопан, перерыт и вообще выглядел так, будто по нему промчался Буденный со всей его конницей, а также обозами и группой поддержки.

Топорик, к своей чести, Хейти не уронил. Правда, легче и теплее от этого не становилось. Горячка медленно уходила, адреналин рассасывался в крови, исчезало и удивительное ощущение тепла и странного торжества от победы над глупой снежной ловушкой... По какому-то дурацкому закону пустота, образовавшаяся на месте чувства теплоты и торжества, начала заполняться холодом, сыростью и прочими мерзостями. Подул гадостный ветерок. Хейти вдруг понял, что имеет все шансы подхватить воспаление легких.

– Стоп! – вдруг сказал здоровый внутренний голос, до сего момента молчавший. – У тебя же мобильник имеется!

– Да! – радостно завопили другие голоса.

– Если он его не потерял, – заметил еще один, скептически настроенный голос.

Хейти полез в нагрудный карман куртки... Глубже. Глубже... Затем в другой карман. Затем планомерно обшарил все карманы, подкладку и даже джинсы. Маленькая коробочка с надписью «Ericsson T28» медленно погружалась в ледяную воду.

– Ну вот, я же говорил... – пробормотал скептик в голове Хейти.

В ответ на этот комментарий все другие вдруг зашумели каждый о чем-то своем, множась, дробясь, забывая сознание.

– Молча-а-ать!!! – заорал Хейти во весь голос, как когда-то орал на него, охамевшего молодого солдата, лейтенант в ракетной части, задвинутой куда-то в Сибирь, под Читку, неплохой в общем-то мужик, спасший эстонца от трибунала.

Перед глазами вмиг прояснилось. В голове затихло.

Вдалеке за черными кустами что-то блеснуло и пропало.

Хейти осторожно сделал шаг назад... Это явно был свет из окошка.

«Хутор!» – вспыхнула мысль. Вместе с ней на ум пришли приятные ассоциации. Теплая постель, горячий чай и, может быть, даже кофе...

Он сделал шаг влево. Огонек пропал. Шаг вправо. Огонек появился.

«Эдак заблудиться недолго, – подумал Хейти. – Надо ж было им забраться в эдакую глушь... Фонарик... Где-то был тут фонарик...»

Он снова начал рыться в багажнике. И вскоре вытянул из мешка нечто отдаленно напоминающее фонарь. Который, что самое удивительное, работал.

С некоторым сожалением Хейти погасил фары, закрыл двери и направился туда, где за несколько секунд до того, как машину занесло, мелькнула дорожка.

Вокруг луча света темнота сгустилась. Светлое пятнышко прыгало от лужи к луже. Несколько раз Хейти падал. В грязь. Поднимался. Падал. Снова поднимался. Грязный, мокрый и замерзший, он заставлял себя двигаться только потому, что знал, если сейчас остановится, то останется тут навсегда, а если повернет, то машину уже не найдет.

Стало страшно.

В кустах периодически раздавался шелест, треск. Какие-то ночные твари двигались в темноте. Воздух имел непривычный запах, напоминавший что-то знакомое, но неуловимое, прячущееся в закоулках сознания.

Казалось, что город с его освещенными улицами, таксистами, наркоманами и понятными, городскими, страхами пропал. Сгинул в темноте ночи и унесся далеко в будущее, тогда как сам Хейти стремительно проваливался куда-то в период Средневековья.

Положение усугубилось, когда батарейки в фонарике стали медленно, но неотвратно садиться. Свет из белого превратился в желтый, а до освещенного окошка было еще далеко. Хейти так и не понял, то ли дорога постоянно петляла и из-за этого удлинялась, то ли это было просто субъективное ощущение, обусловленное темнотой, холодом и гаснущим фонарем.

Когда в почти несуществующих лучах фонарика показалось что-то большое и рогатое, Хейти остановился... Промерзшие ноги мелко тряслись, изо рта вылетало облако пара, смешанное с хриплым дыханием. Идти дальше было нельзя. Перегородив дорогу, на него чуть-чуть удивленно смотрел лось.

В темноте он показался Хейти огромным, гигантским хозяином леса. Древним богом, сливающимся с тьмой, окружающей его самого и его мир. Таким его видели предки Хейти.

Фонарик устало мигнул, дрогнул и на последних секундах своей жизни загорелся ярче. Лось наклонил голову, в круг света попали огромные рога, посмотрел на Хейти исподлобья черными глазами...

Секунда длилась... Длилась... Растягивалась в длинный жгут. Бесконечный...

Шелуха всего мнимого, неверного, глупого, всех предубеждений, всех мелких страстишек, всех лживых умностей медленно скатывалась под этим взглядом.

На дороге стояли человек и лось... Долго...

А потом лось выдохнул темными пятнами ноздрей целое облако и ушел, едва слышно ступая стройными длинными ногами.

Человек почти сгинул тут. Через некоторое время холод сделал бы свое дело и следователь отдела внутренних расследований упал бы на грязную дорогу, чтобы умереть глупой, почти невозможной смертью.

Впереди показались огоньки.

Люди.

И, ощущая, как подкашиваются ноги и грузное тело валится в мерзлую лужу, Хейти со слабым удивлением увидел в неверном свете умирающего фонарика, что на людях, что спешили к нему, маскировочная форма.

Очнулся он уже в постели, когда в окно светило солнце – нечастый гость в этих краях. Несмотря на столь радужную погоду, самочувствие Хейти было не из лучших. Болела голова, и по телу пробегал противный озноб, от горьковатого привкуса во рту немного подташнивало. Утешало только одно: он ощущал себя способным добраться до дома.

Единственное, что его по-настоящему беспокоило, так это то, что он никак не мог точно припомнить вчерашний вечер. Последнее, что осталось в памяти, был большой зверь на дороге. Кажется, лось, но за точность этого воспоминания Хейти поручиться не мог. Запомнились большие и очень грустные глаза. А потом туман. Какие-то лампы, яркие, как в операционной, скрывающие лица... И все. Попытавшись прорваться сквозь эту стену света, Хейти едва не вывернулся наизнанку в приступе рвоты. Сдержался. Откинулся на подушку, тяжело дыша.

«Ну и черт с ним», – мысль ленивая, как зимняя муха, проснувшаяся в тепле дома.

– Ну? – Заинтересованный женский голос заставил Хейти приподняться. – Как дела?

Он увидел пожилую женщину, аккуратно одетую, сухонькую, с чуть вытянутым, как будто лисьим личиком. Хозяйку звали под стать внешности, Тийа Ребане¹, она была владели-

¹ лиса (эст.)

цей хутора с не совсем поэтичным названием Kuradi tagumik². Собственно, владелицей она стала после того, как нынешняя власть решила заняться возвращением земель бывшим хозяевам. То есть потомкам и родственникам различных баронов и тому подобных личностей, в изобилии проживавших на территории Эстонии до прихода советской власти. Каким боком и образом род Тийи Ребане имел отношение к некоему барону, хозяйничавшему в этих местах, сказать было трудно. Однако на чердаке, в древнем-древнем сундуке, сохранились бумаги, из которых следовало, что сей хутор, а также участок земли и небольшой участок болота, общим размером в десять гектаров, был передан бароном Людвигом фон Бертингом в собственность семейству Ребане. Из ряда деталей, наличествующих в документе, можно было сделать вывод о том, что в семье Ребане имеется даже некая толика крови того самого барона фон Бертинга.

Все это высыпалось на Хейти буквально разом, где-то минут в пять, он даже успел увидеть исторический документ, аккуратно оправленный в рамочку и выставленный на видном месте. Старушка явно не была избалована частым появлением в ее владениях незнакомых людей из города и сыпала словами, как скорострельный пулемет. При этом она собирала небольшой завтрак из натуральных чистых продуктов, подавала Хейти его одежду, неведомо как выстиранную и высушенную за столь короткий отрезок времени, и говорила, говорила, говорила.

Хейти тихо и благодарно ел, млея и наслаждаясь процессом.

– Машину вашу сыновья приволокли на буксире трактором...

– ...когда нашли, вы плохи были...

– Говорят люди, большой лось в наших краях объявился. Ходит, всех пугает... Они сейчас дикие...

– Волостные власти дороги совсем забросили...

– А на хуторе у Юри жена рожать надумала, так он...

Странно, но сам тембр ее голоса действовал на Хейти очень положительно. Пропадала усталость, тошнота, головная боль и даже озноб стал прохаживаться по телу реже и как-то слабее.

Он доехал до города почти без приключений. Если не считать полицейский патруль, который прицепился к большому виду Хейти, не желая отпускать его в дорогу без штрафа и аргументируя свои действия пунктом в дорожных правилах, по которому управлять машиной в больном состоянии было нельзя. Пришлось предъявить им удостоверение работника Полиции Безопасности и злоупотребить служебным положением. Патруль отстал с недовольным видом.

Хейти поймал себя на том, что неприязнь к двум ни в чем не виноватым ментам вызвана тем, что патрульный, который прицепился к Хейти, был русским и говорил по-эстонски с явным акцентом.

Стараясь не обращать внимания на легкие угрызения совести по поводу своего необоримого шовинизма, Хейти пересек границу Таллина.

² чертова задница (эст.)

ГЛАВА 3

*Главное, что дождик унес соринку,
Главное, что ежик всегда в тумане.*

Егор Летов

– Чудно, чудно, – сказал генерал, расхаживая по кабинету. Это слово было у Бельского паразитом: все ему было «чудно». На совещаниях он умудрялся вставлять его в самые серьезные доклады и в самых неожиданных местах. На коллегии при губернаторе, посвященной борьбе с организованной преступностью и коррупцией, Бельский выдал перл: «Несмотря на активную работу УБОПа, в области чудно растет уровень организованной преступности». После этого, по слухам, генерала вызвал губернатор и вставил ему фитиль, но словечко из лексикона Бельского все равно не исчезло.

Сергей покорно стоял и ждал. По случаю визита к начальнику управления он был в форме.

– Разговаривал я с Потаповым, – сказал генерал, неожиданно остановившись. Потапов был начальником областного управления ФСБ. – Оставляют дело нам... Старичок был вовсе древний, ни с чем таким у них не связан, сам понимаешь – за давностью лет... Будет проходить как рядовое убийство.

– А как же собака? – вырвалось у Сергея. Генерал удивленно посмотрел на него:

– Какая такая собака? А-а... Записка эта, что ли? Чудно... Что думаешь про собаку?

– Эстонский след, товарищ генерал, – решительно сказал Сергей. Иногда полезно в дурака сыграть, особенно с начальством.

– Да уж... – махнул рукой генерал. – У меня весь подъезд матюками по-американски чудно исписан, так что ж, агенты ЦРУ писали? Мой младший, скотина, и писал вместе со своими дружками недоразвитыми. То же самое и собака твоя.

– Но старичок в Эстонии до войны служил, – напомнил Сергей. Генерал сделал пару шагов туда-сюда, посмотрел на портрет Дзержинского и пожал плечами:

– Ну и что? Я вот в молодости на Сахалине служил, и ничего, чудно... Что ж, меня японцы приедут мочить? Или эти... алеуты? Тем не менее не огорчайся так, Слесарев. Мы с Потаповым и про собаку твою поговорили. Есть интересная подробность: у них там какие-то обмены опытом с эстонцами. К нам едут ихние эстонские специалисты, к ним – наши, русские. Чего там у них интересного можно почерпнуть, этого я уж не знаю, но сам понимаешь – добрососедские отношения... К тому же – НАТО! – Генерал наставительно поднял палец, сделав ударение на «О». – У нас тоже кроме говна ничего не покажешь, но – едут. Так что как приедет один, мы ему деда мертвенького и подсунем. Про собаку с ним и поговорите. Короче, ты сходи в желтый дом, спросишь там такого капитана Усикова, он тебе все расскажет. Да смотри, чтоб они на тебя там «жуков» не навешали!

– Не навешают, товарищ генерал, – пообещал Сергей.

– Не навешают... Очень чудно навешают. Их этому всю жизнь учат. Только отвернешься, а они хлоп! – и «жука» тебе. Я от Потапова пришел, сразу почистился у наших умельцев, ничего, правда, не нашли.

Генерал подошел к книжным полкам, поменял местами две чем-то не понравившиеся ему книги, с виду одинаковые.

– Когда идти, товарищ генерал? – осведомился Сергей.

– Да прямо сейчас и иди. Я тебя не буду чем зря загружать, и подполковнику твоему скажу то же самое. Будешь чудно работать насчет старичка в компании с эстонцем. Но и про текущие дела не забывай. Вас, оглоедов, мало, а текущих дел много.

«Желтый дом», как почти во всех областных центрах называют управление ФСБ, торчал на бульваре Добровольского в окружении столетних лип. Рядом с управлением имелся небольшой продуктовый магазин, а в нем – разливное «Петровское», и Сергей не удержался, выпил бокальчик, после чего направился искать капитана Усикова.

Дежурный внизу с завистью принюхался и спросил:

– «Петровское»?

– Оно, – согласился Сергей, искренне подивившись профессиональным способностям чекистов.

– К кому?

– Капитан Усиков такой имеется?

– Имеется. – Дежурный покрутил стриженной головой и набрал какой-то короткий номер. – Товарищ капитан? К вам тут... э-э...

– Капитан Слесарев, УВД.

– Из УВД капитан Слесарев, – повторил дежурный. – А? Да. Проходите, товарищ капитан. Сорок второй кабинет.

Усиков оказался маленьким юрким человечком с короткими усиками щеточкой. Чем-то он напомнил Сергею Гитлера в молодые годы. Последнего Сергей, само собой, не видел, но представлял именно так.

– Здравствуйте, – кивнул он из-за стола. – Присаживайтесь, пожалуйста.

Сергей сел на стул, обитый выцветшим красным сукном.

– Ваш генерал уже вам сказал, что к чему? – осведомился Усиков, роясь в бумагах.

– Я так понял, эстонец какой-то прибывает.

– Не какой-то, а очень даже конкретный. Мы еще фамилию не знаем, но будьте уверены, они пришлют хорошего специалиста. Им не хочется в грязь лицом ударить, постараются показать, что они тоже не просто курортная забегаловка... – Усиков раздраженно сунул толстую папку в ящик стола. – Если честно, у меня этот обмен опытом вот где! – Он постучал себя ребром ладони по шее. – В прошлом году приезжали армяне, так что получилось? Старлей из СОБРа одного узнал, он, оказывается, в свое время в аэропорту Звартноц этого старлея колом по хребту приложил, а теперь – шишка, чуть ли не полковник армянских спецслужб... Ну, естественно, в морду... Старлея еле оттащили, пришлось потом чуть ли не на уровне министра вопрос заминать, у всех полгода задницы горели...

Сергей молчал, внимательно глядя на маленького чекиста. Усиков распахнул свои папки, вздохнул и наставительно сказал:

– Вы с ним там поаккуратнее, ясно? Будет вынюхивать, выпрашивать чего – аккуратно с ним.

– Да я понимаю.

– У нас тут особо секретного и нет ничего, но тем не менее следите. Архивы, знаете ли, и все такое прочее. У вас там какое-то убийство, не так ли?

– Есть одно.

– Каким-то боком с Эстонией связано, так?

– Да черт его знает. Надпись эстонская фигурирует.

– Вот и пусть думает, что за надпись, к чему такая надпись... В общем, чтобы эстонский гость уехал с чувством исполненного долга, но при этом ничего тут не навредил. Сработаете?

– Сработаю, – кивнул Сергей.

– Ну вот. Я вам позвоню, на днях станет известно, что за эстонец. Расскажу вкратце. Можете быть свободны.

В продуктовом Сергей с горя выдул еще два бокала пива, угостившись плавничком воблы у одноногого пенсионера, тоже любителя пива. «Скотина какая, – думал Сергей про капитана Усикова. – Можете быть свободны... Такой же капитан, а туда же...»

Хотелось выпить еще, но рабочий день был в самом разгаре, так что особенно разгуливаться не было смысла.

– А что, киевляне вчера выиграли? – спросил пенсионер, подразумевая матч Кубка чемпионов.

– Хрен их знает, – рассеянно ответил Сергей, обсасывая плавничок.

– Проиграли, наверно, – заключил пенсионер и добавил в бокал водки из мерзавчика «Губернской». – Не надо им было Шевченку продавать, вот что я скажу. Раньше никого не продавали, и футбол у нас хороший был. А сейчас всех продали.

– Э-э, дед, какие футболисты... Тут Россию продали, – неожиданно для себя сказал Сергей и заплатил за третий бокал пива. Пенсионер обрадовался и предложил взять под это дело водки, но Сергей на провокацию не поддался и отправился трудиться.

В отделение он пришел довольно-таки трезвый и сразу уселся за бумаги покойного. Первая записная книжка оказалась довольно свежей, с символикой БАМа на обложке, и в ней были заполнены всего несколько страниц – телефоны и адреса. Очевидно, друзья и товарищи. Проверим... Хотя чернила повыцвели, буквы и цифры местами затерлись, так что ищи-свищи тех друзей. Живы ли вообще... БАМ вон когда строили, уже и забыли все про него.

Зато вторая, пухлая и потрепанная, была отпечатана, как гласила затертая надпись на последней страничке, аж в 1939 году. Расплывшиеся записи делались то химическим карандашом, то чернильной ручкой, и Сергей углубился в чтение.

На второй странице он понял, что перед ним – дневник. Притом дневник зашифрованный. Старик все же не лаптем щи хлебал, да и не старик он тогда был... Понимал, что сегодня он доблестный ловец врагов народа, а завтра – этот самый враг, надо полагать, и книжечку эту прятал старательно.

Почти все упоминавшиеся люди были записаны инициалами – Б. В., А. К., ППВ, М., даты проставлены редко, да и информации стороннему человеку записи не давали. «А. К. в 12.40 был у ППВ. Разговор о ткани № 6, контроль, задействован Ф.». «21.01.41, звонок из Мс (Москвы? Минска?) относительно сроков. Просят ускорить, ППВ недоволен. Что они, с ума посходили?» «Два новых из Риги, проверить». «23.01 отправлено 8 конт. (контейнеров?), 24.01 – 5 конт.».

Это может быть о чем угодно. Так, чем там занимался дедок в 1941 году? Прикомандирован к НКВД Эстонии, без расшифровки... То есть мог заниматься чем угодно, от выискивания особо затаившихся буржуазных националистов до каких-то спецзаданий московского разлива...

«Согласно №№ 54-9873 исполнено». «13.02 – изотопы. Прибыл В.С., звонить по прямому, экстренный – на 9». «14.02. Оказался редкая сволочь. Проверить через Управление. Прослушка».

Сергей поскреб макушку и закрыл книжицу. Стоп. А это что такое?

Он прощупал коленкорovou обложку. Что-то под ней было – что-то типа тонкой пластинки размером с карманный календарик. Достаточно жесткое. Сергей выдвинул ящик стола, нашел старый скальпель, отобранный в свое время у какого-то малолетнего ублюдка, и подковырнул краешек оклеенной коленкором обложки. Тот поддался, Сергей потянул сильнее, и на стол упала тонкая черная пластина.

Очень легкая, изготовлена вроде бы из пластмассы или целлулоида черного цвета, на одной стороне едва заметная штриховка, словно на игральной карте, на другой – восемь значков, напоминающих иероглифы. Но не иероглифы – слишком округлые, с хитрыми завитками... Значки, казалось, были впечатаны внутрь «карты» и серебристо поблескивали в солнечных лучах.

– Зотов! – Сергей нажал кнопку селектора, – Милый друг, зайди ко мне.

– Шас, – сказал Зотов. Через минуту он вошел, держа в руке вскрытую пачку вафель. – Хочешь вафлю? Миндальная.

– Потом. Смотри сюда.

Зотов повертел в пальцах «карту».

– Ну и что?

– Что это, по-твоему?

– Печатная плата от телевизора японского, например.

– Не подходит. Контактков не вижу.

– Ну, мало ли что они там напридумывали. Читал вчера в газете, какие-то плазменные телевизоры делают. Стоит – не поверишь! – 570 тысяч! Там не только платы, а что угодно может быть... Видишь, иероглифы. – Зотов ткнул пальцем, осыпав стол градом вафельных крошек.

– Вижу... – поморщился Сергей. Он снова осмотрел записную книжку. А коленкор-то подклеен недавно, причем не древним силикатным клеем, как следовало ожидать, а «Моментом», его сопли легко узнать. Значит, Корнеев спрятал пластинку не столь давно или периодически ее извлекал... Да, скорее второе – наслоения клея явно многократные.

– А может, это для телефона магнитная карта? – продолжал строить догадки Зотов, хрустя вафлями. – Похоже. Из Японии кто-нибудь привез или из Китая.

– Из экспертов кто у нас на месте?

– Борисыч сидел, кофе сосал. Хочешь показать?

– Надо бы.

– Ну давай я снесу, мне по пути. Потом перезвонишь, спросишь.

– Хорошо. И на-ка тебе книжечку вот эту, – Сергей отдал ту, что новее. – Проверь адреса, может, кто про нашего старикана что интересное расскажет.

Перезванивать Сергею не пришлось, потому что Борисыч появился сам спустя минут десять. Он взирал на Сергея через затемненные стекла очков и восторженно шевелил губами.

– Ты где это взял? – с порога спросил он.

– Вешдок. А что?

– Занятная штука, вот что. Смотри. – Он вынул из кармана рубашки скальпель и, не успев Сергей заорать, с силой провел по черной пластинке. На ней не осталось и следа.

– Вот так, – наставительно сказал Борисыч, кладя скальпель. – Это еще не все, можешь попробовать забить в нее гвоздь или топором рубануть. Ей по хрену.

– Это что, металл?

– Ума не приложу. Что-то типа кевлара, но очень гибкое. Не горит, не плавится. В воде не тонет.

– В огне не горит и в воде не тонет... – пробормотал Сергей. – А значочки эти?

– Тоже не знаю. Но тут я не мастак, может, японский или китайский, или кто там еще иероглифическое письмо использует... Так где взял?

– Государственная тайна. Ты можешь написать мне справочку по этой пластинке? Чего с ней делал, что получилось, из чего сделана?

– Написать-то я могу, но ничего толкового не скажу.

– А ты напиши, напиши... Она, кстати, не излучает? – встрепенулся Сергей.

– Дозиметром проверял, ничего. – Ну и слава богу. Пиши, пиши...

Борисыч пожал плечами и удалился, что-то шепча себе под нос, а Сергей остался в полнейшем недоумении. Вот еще и пластинка появилась. К чему бы такая? Оборонное сырье? Секретные штучки? Может, пока не поздно, отволочь ее в ФСБ, да и черт с ней?

Нет, это не решение. Тем более к смерти старика Корнеева эта пластинка может не иметь никакого отношения. Мало ли, на улице нашел... Тогда бы не прятал, впрочем. Без поллитры не разберешься, решил Сергей, и снова позвонил Зотову.

– Чего? – отозвался тот, чавкая.

– Что вечером делаешь?

– Ничего.

– Может, по сто грамм?

– Жена завопит.

– Скажи, по работе.

– Я уже третий вечер по работе, а потом она унюхивает и давай брюзжать.

– Ну и черт с тобой. Потом жалеть будешь.

– Эй, эй! Я ж не отказывался! Я просто констатировал, – заторопился Зотов. – Когда конкретно?

– Да после работы сразу. Заходи.

Сергей походил по кабинету. Ничего в голову не лезло, хотя давно пора отписаться по тройке-четверке дел... Вот хотя бы по коммерческому ларьку. Или по краже на рынке. А лень... Хрен с ними, днем раньше, днем позже.

А старик все же кстати. Нехорошо так думать, грешно, но с его убийством хоть что-то занятное впереди забрезжило. Иначе закиснешь в этих ларьках и рынках, заквасишься.

И пить надо потихоньку завязывать. Вот сегодня с Зотычем последний раз так вот, без повода, и достаточно. Только по праздникам и выходным дням, причем не с утра и не в обед.

«И буду я красивый и здоровый, – с улыбкой подумал Сергей. – Упитанный, приятный такой в общении. Еще бы майора дали, и совсем хорошо.

А что, вот с дедом разгребемся, и дадут? Вот только бы разгрестись».

ГЛАВА 4

*Никто не хочет всех спасти и быть за то распятым, но каждый
любит погрузиться о всяком непонятном...*
Егор Летов

Комиссар был в своем обычном состоянии. На его лице была отражена вся гамма презрения к работающему на него человеку.

«Впрочем, – напомнил себе Хейти, – я работаю не на него, а на государство».

Патриотическая эта мысль трепета не вызвала и особенного успокоения не принесла. Настроение у начальства было, мягко говоря, совсем не радужное. Сам тот факт, что на следователя отдела служебных расследований вышло не прямое руководство, а именно комиссар, о многом говорил и ничего хорошего этому следователю не сулил.

«Зараза, – снова подумал Хейти, терпеливо ожидая, когда начальник поднимет-таки голову от бумаг. – Чего ж тебе от меня требуется, кроме моего увольнения? Ты же сидишь так крепко, что под тебя и мышшь не подкопается».

Комиссар действительно сидел прочно. Как пришел на должность в 1996 году, сместив прежнего руководителя Полиции Безопасности, так и сидел поныне. А после того как через год отдел служебных расследований скovyрнул его заместителя и еще ряд значительных чинов по обвинению в коррупции, комиссар начал претворять в жизнь нехитрую политику, именуемую в народе «завинчиванием вентиля». Эта тактика применялась только в отношении отдела служебных расследований, который уже несколько лет получал жалкие крохи из многотысячных дотаций, выделяемых государством. Комиссар обладал редким и очень полезным даром – он везде и всегда находил, усаживал на нужные места своих людей, преданных ему до мозга костей.

Некоторых удалось вывести на чистую воду. Однако все попавшие под следствие всю вину брали на себя. Каялись. И, дабы не выносить сор из избы, увольнялись по собственному желанию, чтобы остаток жизни прожить, работая в одной из многочисленных охранных фирм или в тому подобных частных организациях под неусыпным контролем особых отделов Полиции Безопасности. Установить связь этих людей с комиссаром было заветной мечтой каждого следователя отдела служебных расследований. Однако, как всякая мечта, она так и оставалась неосуществленной, постепенно превращаясь в устойчивый миф.

– Итак, – комиссар откинулся в кресле. – Господин Карутар, вы, вероятно, хотели бы узнать, зачем я вызвал вас сегодня.

Это было утверждение, поэтому Хейти не стал отвечать.

– А вызвал я вас для того, чтобы сообщить вам... – При этих словах Хейти приподнял бровь, ожидая столь известного продолжения о «пренеприятнейшем известии», однако комиссар переиначил классическую фразу. – ... Интересную новость. Из области государственных отношений.

Хейти насторожился. Из своей практики он знал, что большие государственные тайны часто становятся приговором для тех, кто эти тайны узнает.

– Однако перед этим я бы хотел услышать от вас небольшой отчет о проделанной вами в Тарту работе. Вы ведь вернулись из Тарту на днях? Кажется, вчера.

– Да, именно вчера. Я бы смог вернуться несколько раньше, если бы наш отдел имел более совершенную технику.

– Что вы имеете в виду?

– Автомобиль.

– Ах, автомобиль... – протянул огорченно комиссар, а затем поинтересовался: – Что-то случилось?

Вся эта комедия нравилась Хейти все меньше и меньше. Комиссар проявлял участие к судьбе отдела служебных расследований... Безусловно, притворное, нарочито притворное и от этого все более и более опасное.

– Да, случилось. Вверенный нам автомобиль «Жигули» оказался не в состоянии справиться с дорожной ситуацией и поставил меня в крайне неудобное, можно сказать, тяжелое положение.

– Что вы говорите... Как же так?

– Видите ли. – Хейти понял, что перебрал с количеством яда, которым сдобрил свою речь. – Автомобиль «Жигули» конструктивно не способен преодолевать обледенелые участки местных дорог, ввиду задне...

– Что вы говорите?! – комиссар перебил его. – Я езжу на «Жигулях» поболее вашего, а ничего подобного не замечал... Странно.

«Ну да, едешь ты, сволочь...» – мелькнула у Хейти в голове злая мысль.

Однако сказать тут было нечего. Даже если учесть, что комиссар со времени своего вступления в должность ни разу не подошел к зарегистрированным на его имя «Жигулям», а ездил на служебном «Вольво» с личным водителем. Персональный водитель, как, собственно, и все, кто был связан с комиссаром, был абсолютно преданный своему шефу человек.

За этими мыслями Хейти упустил последние слова комиссара.

– ... как можно говорить, что машина не справилась с дорожной ситуацией? С ситуацией может не справиться водитель. – И комиссар ехидно посмотрел на Хейти, а затем помрачнел. – Однако мы увлеклись деталями. Как там поживает наш город молодости и студенчества?

Хейти прочистил горло и заставил себя сконцентрироваться на прошедшей поездке.

– Собственно, сам город поживает весьма неплохо.

– А наша агентурная часть?

– Тоже... Можно сказать, слишком хорошо. Вот мой полный доклад по прошедшей командировке. – Хейти положил на стол бумагу, в которой описывалось положение дел в региональном отделении Полиции Безопасности в городе Тарту. Информация была неутешительная. – Хочу отметить, деятельность лиц, ответственных за работу со студентами, является, мягко говоря, неудовлетворительной и внушает опасения...

– Ну вот и замечательно, – улыбаясь, произнес комиссар, пряча бумагу с докладом в папку. – Замечательно. Я вами доволен, господин следователь. По поводу этих фактов будут проведены разбирательства... В обязательном порядке.

Хейти тихо млея от услышанного. И мысленно готовился выдержать удар, который должен был последовать за таким сладким елеем.

«Что же ты приготовил на меня?..»

Комиссар посмотрел на Хейти, улыбнулся и произнес:

– А теперь поговорим о главном.

Родной отдел встретил тишиной. Конец месяца. Отчетность нужно подбивать, трясти агентуру, чтобы не спала. Только худющий Марек дрыхнет в углу. Он-то все бумажки написал неделю назад, и теперешняя суета его интересовала, как интересуют плавающие рыбки сидящую на стекле аквариума муху. То есть никак. Идеальная позиция – ни во что не вмешиваться, ничем не интересоваться. Иногда Хейти этому человеку даже завидовал.

От неловкого движения на стол посыпались карандаши из перевернутого стаканчика. Марек приоткрыл один глаз, поежился и снова закрыл.

– Хочешь выпить? – спросил Хейти. Глаз снова приоткрылся.

– По какому поводу?

– Ты просто так не пьешь? – На работе – нет.

– Ну, тогда по поводу моих проводов. Открылся второй глаз. Лицо Марека приобрело вопросительное выражение.

– В командировку посылают.

– Да? А почему лицо как у покойника?

– Потому, – неопределенно ответил Хейти, а затем уточнил: – Потому что к русским. Марек кашлянул и полез за кошельком. Затем остановился и спросил:

– Погоди, тебя-то зачем туда? Ты... Мы же по внутренним расследованиям.

– Угу. – Хейти припомнил, что задавал такой же вопрос комиссару и ответил его словами: – «Вы лучший следователь в этом отделе. И мне кажется важным, чтобы вы знали, как обстоят дела по вашему профилю в соседнем государстве. Тем более что это государство является нашим теоретически предполагаемым противником в свете очередных переговоров по вступлению в Северо-Атлантический блок».

– Каким противником?

– Теоретически предполагаемым. В свете очередных... Так что будет вам ценная информация. О том, как русские своих взяточников ловят. Очень ценная со стратегической точки зрения, – сарказм Хейти не скрывал. – Точнее, будет та информация, которую эти самые русские изволят мне показать. Кстати, вам тоже скучать не придется. Я по программе обмена опытом еду. Как студент! Так что к вам соответственно лучший следователь ФСБ прибудет. Опыт перенимать. Мать...

Марек сморщился, с сожалением прощаясь с царящим вокруг покоем, и сказал задумчиво:

– Отпуск, что ли, взять?.. Чего еще шеф сказал?

– Сказал, чтобы я вспомнил, из какого отдела я сюда перешел.

– А из какого отдела ты перешел?

– Из какого?.. Из такого! Из контрразведки, – ответил Хейти с досадой в голосе. – Правда, отработал там только год.

– Почему? – Марек, который работал в Полиции Безопасности дольше Хейти, отличался тем, что никогда не влезал в чужие дела без особой надобности.

– Потому что накололся крепко. Помнишь дело о старой агентурной сети КГБ? Архивах?

– Смутно, меня это как-то не интересовало.

– Вот на том деле я и прокололся. Так что меня в принудительном порядке перевели в более... безопасный отдел. А вот теперь... – Хейти подумал. – А вот теперь я отправляюсь как подсадная утка в расположение этого... теоретически предполагаемого противника.

– Подсадная утка?

– Ну да, а ты что, считаешь, что я туда опытом меняться еду? Надо кому-то там проверить дельце, чтобы было на кого свалить в случае чего.

– Кому? – Марек сидел с таким заинтересованным лицом, словно читал увлекательный детективный роман.

– Тому! – зло ответил Хейти, а про себя подумал: «Полукровка хренов...». – Ты за водкой пойдешь?

Марек, ни слова не говоря, вышел.

Хейти некоторое время посидел за своим столом, зло барабанил пальцами по темному дереву. Злился на себя. Он был по убеждениям, заложенным в детстве, интернационалистом, однако перебороть собственные националистические комплексы никак не мог. Поэтому очень часто в душе раздваивался, считая русских и «прочих русскоязычных» слегка неполноценными и одновременно мучаясь из-за своего шовинизма. Злился на себя, зная, что достоверных данных о том, что Марек – полукровка, нет. Но в душе ощущал некий дискомфорт при общении с ним.

«Противно», – подумал Хейти и начал разгребать наваленные на столе папки с документами. Потом опомнился и подумал, что для бутылки надо приготовить место, вытащить из холодильника закуску и вообще подготовиться.

Марек пришел не один, а притащил с собой ребят из соседнего отдела, которые, узнав, по какому поводу пойдет гулянка, решили примкнуть.

Вскоре двери были заперты, а вторая литра местной водки приближалась к концу.

Водочные пары витали в воздухе тяжелыми голубоватыми облаками. Или это был дым от сигарет? В любом случае дышать было нечем.

Гул голосов сливался в один настойчивый пчелиный рой. Каждый что-то советовал, убеждал.

Хейти машинально кивал, вытягивая из пачки очередную сигарету, тыкал ею куда-то в пространство. К сигарете тут же протягивался огонек зажигалки. Часто не один.

Настолько популярным Хейти себя не чувствовал еще ни разу. Все советы он пропускал мимо ушей, зная, что все равно ничего не запомнит. Голова на алкоголь реагировала совсем непрофессионально. Она начинала кружиться, гудеть и ничего не воспринимала, в общем, вела себя совсем не так, как должна себя вести голова разведчика, отправляемого в стан врага. Тем более врага, базирующегося на территории, на которой некогда придумали водку.

«Это ж сколько придется пить...» – пронеслась печальная мысль, на которую Хейти отреагировал удивленным поднятием бровей.

Всей компанией этот жест был расценен не совсем правильно. Раздались крики:

– Стойте, он что-то сказать хочет... Воцарилась тишина.

«Вот ведь... – подумал Хейти и встал. Слегка качнуло. – Нехорошо».

– Вспоминается случай. Некогда... – тут он запнулся, но затем, поймав убегающую мысль за длинный хвост, продолжил: – В доблестной эстонской армии велись подготовит... Нет. Теоретические курсы. Где обсуждалось вооружение вероятного противника.

– Теоретически предполагаемого... – пьяно невпопад пробормотал Марек. На него защищали.

– Так вот, капрал сказал: «Наш вероятный противник будет вооружен: пехота – автомат системы Калашникова калибра 5,45, который считается лучшим оружием в своем классе, танки – Т-90, признанные одними из лучших в мире, авиация – МиГи и Су, которые аналогов в мировой военной технике не имеют, вертолет К-26 „Черная акула“». И тут встает новобранец. Из хуторских. Ну, вы знаете, они русских только на картинках видали... И спрашивает: „Господин капрал, а как же мы с ними будем воевать?“ А капрал ему отвечает (Хейти развел руки в стороны, имитируя жест капрала): „Не знаю!“

После этого Хейти сел. Вокруггалдели.

«Зачем я все это им рассказал?» – пронеслось в голове.

Сам Хейти при этом разговоре не присутствовал, но знал, что такой случай был, из уст своего информатора, парня, который косил, не без помощи Хейти, от армии, оплачивая эти услуги разного рода информацией из мира андеграунда, в котором активно крутился. Некстати вспомнилось, что того капрала быстренько понизили в должности и перевели в другую часть. А чтобы особенно не шумел, пригрозили антигосударственной пропагандой, рядах вооруженных сил.

Хотя, по правде говоря, капрал ни в чем виноват не был. Он просто обрисовал ситуацию такой, какая она есть. Без прикрас.

Мысли перешли на другую дорожку, и Хейти вспомнил, по какому поводу они тут сидят. От этого стало тоскливо на душе, и мысли, вероятно, под воздействием алкогольных паров снова сменили дорожку. Хейти подумал, что из-за собственной неуклюжести рассчитывать на ресурсы своего тела в критической ситуации не приходится. А значит, придется брать с собой

оружие. Табельный «глок». Хотя по идее это запрещено... Начальство упрется и вообще... Граница...

О том, как это сделать, Хейти, подобно знаменитой Скарлетт О'Хара, решил подумать завтра, а пока обратился к теме, которую развивал Томас, что сидел справа.

Как выяснилось, Томас горячо обсуждал рассказанную Хейти историю о вооружении российской армии. По словам Томаса, все обстояло совсем не так, и миф о силе русского оружия еще предстоит развеять.

«Интересно, – подумал Хейти, – кто рискнет? И вообще, откуда у них такая техника? Страна в полной заднице, развал, не кормят, зарплаты не платят... А оружие... Оружие...»

Мысль пропала. Вместо нее в районе виска появилась противная, колкая боль. Эдакая стерва с острым носом. Стало трудно дышать.

Хейти встал.

– Так, – сказал он, перекрывая гул в голове. – Мне пора. Через два дня выезжать, а дома не собрано ничего.

После этого Хейти просто переключился на автопилот.

Добираясь до дома на автобусе, он дышал перегаром на сидящую впереди толстую женщину. Она озиралась, но молчала.

– Ну и дура, – заявил Хейти, выходя из автобуса. «Развезло...» – презрительно произнес внутренний голос.

ГЛАВА 5

*А мертвый котенок —
Он остается терпеть
И наблюдать.*

Егор Летов

«Зачем я напился, дурак такой?
Зачем я напился?
Больше водку пить не буду.
Хватит».

Эти стандартные мысли посещают любого человека, проснувшегося с перепоя. Сергей не был исключением, и как только он открыл глаза на истеричный звон будильника, так сразу подумал: «Только пиво. Теперь только пиво».

Пиво, между прочим, было бы очень кстати, но... Сергей со стонами поднялся с кровати и полез в холодильник, где мерзла в одиночестве баночка с рассолом из-под венгерских огурчиков. Он с наслаждением высосал рассол до дна, сплюнул в банку веточку укропа и какие-то семечки и вздохнул.

Вечер прошел ударно. Зотов выдвинул идею пойти в «Бис», новое кафе с бильярдом, в ту сторону как раз ехали гаишники, так что в восемь они уже сидели за столиком и пили водку «Топаз». По причине скудости финансов закусывали какими-то чахлыми капустными салатами, чтобы не экономить на выпивке, посему к десяти набрались. Зотов стал пугать уживавших южных граждан, угрожая выдворением из города, а Сергей пытался его унять, но перевернул стол и что-то там разбил из посуды.

Вызванный патруль забрал дебоширов, но на улице выпустил, наказав товарищам офицерам вести себя чинно. На это Зотов пообещал старшему сержанту ободрать лычки, а Сергей облевал крыло «козлика». После этого разумный сержант погрузил их в машину и развез по домам. Как Сергей добирался до квартиры, он не помнил, не помнил и путешествия в милицейской машине, но проснулся в своей постели, раздетый и вроде почти целый. Вот только голова...

А ведь вчера еще думал о том, как станет здоровым и красивым, упитанным таким майором. И взамен нажрался, как кабан. Это ж надо, на патрульную машину наблевал! Понятно, у них это не редкость, много кто блюет, но не капитаны же милиции! Расскажут ребятам, ребята смеяться будут...

Ой, стыдно!

Это состояние как-то называется по-научному, вспомнил Сергей.

Адреналиновый бред?

Адреналиновый голод?

Или вообще какой-нибудь адреналиновый психоз?

Что-то типа того, суть не меняется. Когда человек утром просыпается с похмелья и испытывает острое чувство вины, хотя ничего плохого вчера и не сделал... Впрочем, это к Сергею отношения не имеет, он-то как раз напакостил изрядно.

На работу он опоздал на пятнадцать минут, но ни пред чьи ясные очи не попал и благополучно пробрался в кабинет. Нашел в сейфе закаченную бутылку пива «Степан Разин», отодрал крышечку невесть откуда взявшимися в кабинете плоскогубцами и с наслаждением выдул бутылку мелкими глотками, то и дело переводя дух. Пиво было теплое, но в голове прояснилось, звенящая боль отступила. Теперь она только изредка высывала откуда-то из глубин свои щупальца и этак подергивала за нервные окончания – чтобы жизнь медом не казалась.

Чтобы как-то отвлечься и чем-нибудь себя занять, Сергей снова взялся за дедову книжку, но в очередной раз понял, что большой пользы из нее не извлечет, тем более все записи представляли скорее архивный интерес. «28.01. Вскрытие блока 2-12, неизв. газ, трое лаборантов +». Погибли, что ли? Что за блок? Сергею почему-то сразу вспомнился чернобыльский четвертый энергоблок – или там третий был? Но в 1941 году атомных электростанций не существовало...

«2.02.41 —Ф. Д. и ГГ. прибыли из Мс. в 11.15. Переданы циркуляры, вроде бы должен приехать пр. П.» Пр. – профессор? Черт знает что, подумал Сергей, зачем я вообще это читаю? Мало ли где дед работал и чего там делал? Может, «Пр.» – это придурок. Не любил кого-то дедок, вот и не обрадовался визиту. Едет, мол, зараза, нужен больно...

В дверь постучали.

– Прошу, – сказал Сергей. Слова отдались от стенок черепа и загудели в голове, прыгая, как шарики для пинг-понга.

Появился Борисыч. Он молча положил на стол прозрачный пластиковый пакетик с давешней «картой» и отпечатанный на лазерном принтере листок.

– Спасибо, Борисыч, – сказал Сергей. – А вот скажи, твоя многоумная наука ничего от похмелья нового не придумала?

– Нашатырный спирт, пять капель на стакан холодной воды.

– Нет уж, я сблую.

– А то вчера этого не делал... – хмыкнул Борисыч. – В общем, забирай свой вещдок, хотя я бы эту пластиночку отправил... куда следует... Я там написал в общих чертах, но ее бы надо исследовать не у нас и не нашими скромными средствами.

– Так что это такое?

– А черт ее знает. Я не возьмусь как-то назвать. Очень секретная вещица, полагаю. Сам смотри, конечно, но отдал бы ты ее чекистам.

– Ага. Отдал... А деда моего кто будет копать? Чекисты? Потом концов не найдешь, а у меня будет по их милости висяк... Я сам хочу майорские звездочки на этом деле поиметь, в кои веки что-то загадочное и таинственное в наших краях. Ладно, с Чека я сам разберусь, тут на мою голову еще и эстонца какого-то спустили... Спасибо, Борисыч.

Эксперт удалился, а Сергей попробовал прочесть написанную им справку. Ничего нового для себя он из нее не почерпнул: материал неизвестен, физические свойства такие-то, удельный вес такой-то, на то-то и то-то не реагирует, радиационный фон... Муть какая-то. То же самое «в огне не горит и в воде не тонет», только изложенное заумным языком.

Задрезжал телефон, и Сергей едва не упал в обморок прямо за столом. Он злобно схватил трубку.

– Ты как, кэптен? – осведомился Зотов.

– Одурел?! – Сергей рявкнул так, что в голове снова стало больно. – Дребезжишь!

– Вижу, что плохо тебе, кэптен, – резюмировал Зотов. – А у меня подарок тебе есть. Я тут прозондировал с утра твою книжечку по телефончику... В основном глухо, либо померли граждане, либо разъехались, записи-то старые... Нашел любопытного дедушку, который убиенного трупа близко знал. Играл с ним в шахматы в парке.

– Ну, ты герой. Железный человек, – уважительно сказал Сергей. – И откуда силы берутся.

– А я привычный, – хихикнул Зотов. – Да и жена... Приходится в форме быть.

– Попало?

– Не, она вчера с подругами в магазине надралась, пришла чуть раньше меня. Я даже хотел на нее накат устроить, но упал в ванной, полочку сшиб, так что сам понимаешь... Не до того было...

– Ладно, так что там за шахматист?

– Шахматист уникальный. Я к тебе его направил, будет через полчаса. Ты пока поlechись.

Сергей полечился двумя таблетками аспирина, выпрошенными в детской комнате у миловидной майорши Тамары, и через полчаса практически был годен к употреблению. В ограниченных количествах, разумеется.

Шахматист оказался пунктуальным и явился точно в назначенный срок. Это был приятный старичок с пуховыми клочками волос на черепе, облаченный в длинное черное пальто.

– Товарищ Слесарев?

– Он самый. Садитесь, пожалуйста. Старичок чинно опустился на стул, прислонил тросточку.

– Меня зовут Иван Никитович, Жабенко Иван Никитович, – отрекомендовался он. – Год рождения одна тысяча девятьсот двадцатый, проживаю на Шмидта, сорок четыре, квартира сто один. Ваш коллега сказал, что вас интересует покойный Корнеев Борис Протасович.

– Да. Вы его знали?

– Более-менее. Играли в шахматы, пару раз отмечали вместе День Победы. Я в морской пехоте воевал, в Румынии... После того работал в системе народного образования, был начальником районе, гороно, депутатом горсовета...

Старичок явно настроился пересказать свою героическую биографию, все этапы большого пути, и Сергей поспешил навести его на нужный путь:

– Иван Никитович, меня интересует вот что: Борис Протасович говорил, что ему кто-то угрожает? Боялся чего-нибудь?

– Нет... – подумав, сказал старичок. – Вел себя обычно, я его видел в последний раз четыре дня тому назад. Сыграли с ним две партии, оба раза он довольно быстро выиграл. Знаете, хороший был шахматист. Его учил в свое время Аронштам, был такой гроссмейстер до войны.

– А про Эстонию ничего не упоминал?

– Вот поэтому я к вам и пришел. Ваш коллега тоже спросил про Эстонию. Так вот, Борис Протасович мне рассказывал... Постойте, это было, кажется, в прошлом году, на октябрьские праздники, мы как раз выпили в беседке... Так вот, рассказывал про свою работу в органах. Я, знаете, не поверил по своему прагматичному складу ума, но вот решил рассказать. У меня память отличная, а Борис Протасович рассказывает, словно беллетрист, так что, я думаю, вам будет интересно...

Старичок устроился поудобнее, закинул ногу на ногу, поправил полы своего пальто и начал рассказывать:

– 29 сентября 1940 года в воздушное пространство Эстонии, уже вошедшей в СССР, вторгся неопознанный самолет. Мало того, самолет был неизвестной конструкции, а поскольку прилетел со стороны Пруссии, то его и сочли немецким, тогда они часто к нам залетали. Самолет летел в направлении границы РСФСР и был перехвачен тремя советскими истребителями И-16 лейтенантов товарищей Сомикова, Иванова и Аюпова. Все трое отметили видимые повреждения самолета, а вернее, летательного аппарата, так как он напоминал большую сигару без всяких признаков винтов и крыльев, – скорее всего, последствия огня немецких зениток или истребителей. Посадить аппарат на военный аэродром не удалось, и тогда лейтенант Аюпов обстрелял его, после чего аппарат резко пошел вниз и упал на поле, в малонаселенной местности.

Срочно выехавшая к месту падения группа сотрудников НКВД, усиленная отрядом погранохраны, обнаружила сигарообразный металлический объект длиной около двадцати метров и диаметром около трех метров, зарывшийся на четверть в землю. Местные жители показали, что после падения к нему никто не подходил. В тот же день объект был извлечен из земли и доставлен в Таллин.

В середине октября в Таллине, на улице Карла Маркса, был создан специальный научно-исследовательский институт, который официально занимался какими-то геодезическими и метеорологическими вопросами, а на самом деле разбирал пресловутый объект. В самом центре города, кстати. В Таллин были переведены научные сотрудники ряда крупных институтов, а Корнеев был прикомандирован к нему в качестве специального представителя НКВД – следил за соблюдением секретности и прочими вещами.

Первые два месяца вокруг объекта осторожно ходили, не пытаясь его вскрыть: просвечивали, измеряли, фотографировали. Потом, в декабре, сигару вскрыли – к тому времени ученые уже окончательно убедились в ее инопланетной принадлежности. Из сигары, которую в документах теперь именовали «объектом номер 1» или «цистерной», извлекли большое количество приборов неизвестного назначения, а главное – тела шестерых существ, которые, очевидно, погибли при ударе о землю.

Здесь Жабенко сделал паузу и выразительно помахал руками:

– Борис Протасович описал их примерно так: «Ростом около метра. С виду как жабы, только с волосами и все в ремнях, вроде как в португее. Половых органов не видно, молочных желез тоже – он сказал, извините, „сисек“, – и воняют очень сильно». Я думаю, последнее – скорее итог разложения, нежели специфическая особенность.

После вскрытия корабля и обнаруженных в нем трупов в институт прибыла новая партия ученых. Они размещались в прилегающих к зданию двух домах под охраной НКВД, права выхода в город не имели. С Москвой институт сообщался путем спецсвязи, а все документы и посылки передавались через курьеров. Так продолжалось до июня 1941 года, а с началом войны институт был срочно эвакуирован, что с ним было во время войны, Борис Протасович не знал, работал в другом месте, а потом институт обнаружился снова...

Тут Жабенко снова сделал эффектную паузу. Он явно ждал, пока Сергей спросит его, где же именно был обнаружен секретный институт вместе с его дохлыми жабами. Сергей не стал мучить старичка и послушно спросил:

– Где?

– Да в нашем городе, – торжественно сказал Жабенко, сделав большие глаза.

– Стоп. Неувязочка. – Сергей покачался на стуле, внимательно глядя на шахматиста-пенсионера. – Где же у нас такой институт? Не припоминаю. НИИ у нас три: Гипрострой, мелиоративный и люпина. Ни один вроде не тянет на секретность...

– Вот и Борис Протасович о том же говорил. Он после войны пытался нить нащупать, но от этого дела его отстранили, занимался он совсем другими вопросами, дал подписку соответствующую, оттепель там... В общем, ничего не узнал. Возможно, институт этот давно уже не в нашем городе, а где-нибудь в Красноярске или, к примеру, в Твери, в Москву не повезут точно. Но Борис Протасович почему-то уверен, что у нас. То ли он видел кого-то из старых сотрудников, то ли кто-то ему намекнул...

– Так. И что же?

– Да ничего, – развел руками Жабенко. – Что знал, то и рассказал. Похоже на научно-фантастический роман, не так ли? Я склонен верить покойному, но до некоторых пределов... К тому же выпивши был. И жабы эти... Что с ними у нас в городе делать можно?! Да и негде вроде...

– Жабы жабами, а вот кому Борис Протасович мешал? – задумчиво спросил Сергей. – Что ж, товарищ Жабенко, не буду вас задерживать. Если понадобится, уж не взыщите, вызову.

– Служба, – понятиливо закивал Жабенко.

Когда старичок ушел, Сергей позвонил эксперту. В голове вертелась дурацкая фраза: «Необычное обыденно вторгается в нашу жизнь».

– Борисыч, у нас сколько научно-исследовательских институтов в городе?

– Три: мелиоративный, люпина и Гипрострой.

– А больше ни про какой не слышал?

– Да нет.

– А что-нибудь секретное?

– Да что тут секретного? Если уж совсем закрытое, под видом того же Гипростроя... Хотя я там много раз был, у меня там знакомых до хрена.

– Значит, ни секретного, ни военного...

– Военное есть. На автомобильном запчастях для мобильных ракетных комплексов делают, мосты для танков. На «Кремнии» какие-то диоды или триоды засекреченные... А, кстати! Перевели твою тайнопись.

По-эстонски написано, и написано что-то типа «Собачья смерть».

– Спасибо... А вот с секретными делами все не то... Ладно, спасибо еще раз.

Сергей положил трубку. Ну, допустим, в городе есть что-то секретное. Почему бы и не быть. В качестве предположения пусть даже там до сих пор занимаются летающей тарелкой, хотя история более чем избитая. Своего Розуэлла нам захотелось, надо же...

Хотя чисто теоретически в городе есть много мест, где спрятать тот же НИИ. Куча всяких контор, заводов, фабрик, тот же НИИ люпина – на хрена им, спрашивается, такой комплекс зданий, целый городок! Нет, это уже маразм. Все дальше и дальше ухажу от пресловутого убийства, подумал Сергей и потер виски. В голове что-то снова начало тихонько покалывать.

– «Собачья смерть». Прямо как в дешевых боевиках: таинственный убийца оставляет надпись, гласящую о мести. Насолил старичок эстонцам, насолил. Притом работал явно не профессионал, иначе с чего бы давал такую прямую наводку на маленькую прибалтийскую республику? Или это, наоборот, ловушка? Чтобы свалить все на эстонцев, с которыми старичок сталкивался аж до войны?

Надо бы запросить кого следует насчет этого института, да кого запросишь, когда он секретный? Или в ФСБ отдать дело, да и черт с ним? А они спросят: чего к нам принес, чего такого узнал? И начнется...

Нет, буду заниматься убийством как таковым, решил Сергей. Черт с ними, с тарелками и жабами, с прочей ненаучной фантастикой, буду думать только про убиенного старикана, и все тут.

Вот только бы башка еще не болела...

ГЛАВА 6

*Мертвые рыбы тихо осели на дно. И разбрелись.
Егор Летов*

Похмелья не было. Совсем.

И это было странно.

Сосуды никак не отозвались на алкогольное отравление местной, не самой высокосортной водкой.

Встав с постели поутру, Хейти с удивлением понял, что от вчерашних проводов осталась только некоторая дурнота и беспокойный желудок.

«Как молодой, – пронеслось в голове. – Это я от огорчения, что ли?»

Отсутствующее похмелье настолько плотно заняло мысли, что, когда в комнате раздалась трель мобильного телефона, Хейти подскочил, наступил на брошенный тапок и едва не подвернул ногу. Упал.

«Да что же это такое?!» – возникла бессильная мысль.

Телефон трезвонил, а Хейти, лихорадочно переворачивая разбросанную одежду, старался сообразить, откуда же раздается сигнал. В конечном итоге телефон обнаружился под кроватью. Каким образом он попал в такие далекие края, было не совсем ясно...

– Хейти? – Надо отметить, что голос шефа в трубке поутру – это не самый приятный способ пробуждения.

– Да, господин Тоома. – Эвальд Тоома, начальник отдела внутренних расследований, был, по сути, человеком мягким. Он никогда не препятствовал инициативам своих подчиненных, но и не старался отмазать их перед руководством. Это был очень осторожный человек.

– Хейти, ты, как я знаю, отправляешься в командировку. Так?

– Так точно.

– Тебе нужно пройти инструктаж. «Новость!»

– Так что ты подъезжай, пожалуйста. Тут тебя ждут...

– Кто?! – не удержался Хейти и тут же об этом пожалел. – Э-э-э... Инструкторы, Хейти. Приезжай и в двести двенадцатый кабинет сразу иди. Поступило распоряжение от комиссара. Это срочно,

«Угу. Понятно, откуда ветер дует, – зло подумал Хейти и дал отбой. – Сейчас начнут мурыжить».

Согласно негласному распорядку, у него должен был быть один день на сборы, покупку билетов и на отсып. Однако теперь, судя по всему, начнут трясти по полной программе.

«А да пошел ты! – Какая-то анархичная часть Хейтиной природы вдруг возобладала. – Приезжай... Срочно... Перебьешься!»

И чувствуя некое мстительное удовлетворение, Хейти завалился на кровать снова.

Некоторое время полежал, однако растревоженные нервы не дали нормально додремать. Телу требовались действия.

Пришлось встать и тащиться на кухню, готовить кофе. Тем более что в животе уже ощутимо подсасывало, а где-то в хлебнице должны были обнаружиться вчерашние пончики.

«Кину в микроволновку».

Вскоре по квартире поползли чудесные ароматы свежесваренного кофе, а на кухне раздался призывный перезвон сигнала микроволновой печи.

Млея от собственного маленького бунта, Хейти повалился в кресло перед телевизором. Кружка в одной руке, а горячий, слегка липкий пончик – в другой.

Пончики из микроволновки нужно съесть быстро, иначе они снова зачерствеют пуще прежнего, а кофе надо пить, пока он горячий... А брать трубочку мобильного телефона липкими после пончиков пальцами вообще не рекомендуется. Ну и пусть трезвонит сам по себе. Полноватого человека, лет тридцати пяти, развалившегося в кресле перед болтающим телевизором, уже не беспокоило руководство, вечно торопящееся начальство, инструктажи, командировки... Ведь кофе может остыть!

Эвальд Тоома был бледен, что случалось с ним крайне редко. Ввиду определенной бесхребетности он редко вступал в конфликты с кем бы то ни было, а поэтому не страдал от избытка сильных эмоций.

«Ну вот и получи, – злоратно подумал Хейти. – Полезно!»

– Хейти, – на выдохе произнес Эвальд. – Где тебя черти носят?! Что ты шляешься где ни попадя? Тебя же ждут. Я же ясно сказал по телефону. Что-нибудь случилось?

– Ничего не случилось, – с открытым и честным видом ответил Хейти и едва не ляпнул про кофе и пончики. – Просто опоздал.

– Просто опоздал! Тут комиссар на ушах стоит!! Быстро... Быстро в этот... В двести двенадцатый. Там же ждут...

И бормоча, что так жить просто невозможно и почему он, начальник отдела, должен беспокоиться о том, что его подчиненные опаздывают на работу, Эвальд Тоома удалился. В дальнем конце коридора хлопнула дверь в его кабинет.

«Тихая истерика, – констатировал Хейти про себя. – Однако не перегнуть бы палку... Где тут был этот двести двенадцатый?»

В отделе было тихо. Странно тихо. Присутствие людей ощущалось кожей, подкоркой. Было ясно, они тут. За этой дверью и за этой... Все на местах, но как будто сидят без движения, боясь произвести хоть звук, молчат, чтобы ненароком вылетевшее слово не нарушило этой давящей, живой тишины.

Даже пыль, что медленно оседала в неверном весеннем луче солнца, двигалась как в замедленном вальсе.

«Бред какой-то... – подумал Хейти и для уверенности громко покашлял. – Бабушкины страхи. Сказки... Вздор».

И поразился, насколько глухим и безжизненным показался звук его шагов в коридоре...

Преодолевая какое-то непонятное беспокойство, Хейти двинулся по коридору к требуемому кабинету... Несколько раз он останавливался, с усилием преодолевая желание то ли броситься бежать, то ли достать оружие. Все чувства были на пределе. Нервы напоминали натянутые струны, на которых кто-то умелый наигрывал симфонию беспокойства. От прежней утренней расслабленности не осталось ни следа.

Дверь с цифрами «212» внешне ничем не отличалась от всех остальных. Просто светлый прямоугольник, черные цифры. С какими-то дурацкими завитушками.

Вот только взяться за ручку Хейти себя заставил через силу.

В последний раз выругавшись. Он распахнул дверь и вошел внутрь.

В пустую комнату.

«Все страньше и страньше...» – мелькнул в голове молодой девичий голосок.

Однако вскоре все разрешилось. Открылись двери, ведущие в смежный кабинет, и в комнату вошли двое, вполне обычного вида. Один сразу же отошел к дверям и присел там на стул, похожий на заведенную пружину, второй спокойно закурил и отошел к столу. Сел. Указал приглашающим жестом на кресло напротив.

«Ничего себе день начинается... – подумал Хейти, мысленно прикидывая шансы на прорыв через дверь. – С какой стати мне такие почести?»

Он сел, стараясь держать в поле зрения сразу обоих. Получалось не очень.

Напряжение, которое царило в воздухе, казалось, было способно зарядить полуразряженные аккумуляторы телефона...

Молчание нависло над всеми, как гора, и, когда человек, что сидел за столом, спросил у Хейти: «Как ваше самочувствие?», тот вздрогнул, словно бы ожидая камнепада.

– Как ваше самочувствие? – повторил свой вопрос сидящий за столом. Он был худ и от этого казался выше ростом, скулы резко выделялись над ввалившимися щеками. Глаза красные, щурятся.

«Э-э-э... А парень не спал ночь... И не исключено, что не одну. Может, он на амфетаминах сидит?» – подумал Хейти, а вслух ответил:

– Вполне прилично... А почему вы интересуетесь?

– Да так, нам просто стало известно, что вчера имело место некое мероприятие... Связанное с употреблением разного рода напитков... Голова не болит?

– Нет, спасибо, что поинтересовались. Кстати, напитки были не разные, а однообразные, одна водка. Чем, вероятно, и объясняется мое вполне приличное самочувствие. А позвольте поинтересоваться, – спросил Хейти, который чувствовал распирающее его желание как-то взорвать сложившуюся ситуацию, – кому это «нам»?

– Нам... Это нам. Мы не представились. Меня зовут Урмас, а его Ахти. Нам поручили провести небольшой инструктаж в связи с вашей поездкой. Кстати, как вы себе ее представляете?

– А никак. Вы вообще кто такие? – Хейти чувствовал, что тихо закипает.

– Ну, мы уже представились...

– Я не это имею в виду.

– Понимаю. Только надо ли вам знать, какую организацию мы тут представляем? Подумайте, насколько это необходимо. Лишняя, совершенно ненужная информация. Бесплезная. В смысле, что пользы она вам не принесет.

«Военные? – спросил себя Хейти и тут же ответил: – Нет. Какие тут, к черту, военные, сериалов посмотрелся?!»

Иллюзий Хейти не строил, он понимал еще со времен работы в отделе контрразведки, что на территории его государства ведут игры разведывательные управления очень серьезных стран. И его родной Полиции Безопасности соревноваться с ними нечего... Но одно дело понимать, а другое дело принимать и добровольно участвовать...

– С вами все в порядке? – поинтересовался Урмас.

– Да. Вполне.

– Вот и ладно. Перейдем к сути нашего с вами дела. Вы направляетесь на территорию Российской Федерации с определенной миссией, прикрытием для которой будет, конечно, командировка. Вы будете находиться под неусыпным контролем спецслужб, но об этом будет беспокоиться наша агентурная сеть. Предвосхищая возможный вопрос, я сразу скажу, что отказаться от этого задания вы не можете.

– Неужели?

– Именно так. – Урмас кивнул. – Выходов нет совершенно.

– Ну, выходы всегда есть.

– Не надо. – Урмас брезгливо поморщился. – Это пустое геройство и дешевые, совершенно бесполезные слова. Если вы считаете, что смерть решит ваши проблемы, то вы сильно ошибаетесь.

Хейти даже не нашелся, что ответить на подобное заявление. А Урмас между тем продолжал:

– Суть вашего задания, миссии заключается в следующем...

Он выложил на стол небольшую коробочку с несколькими кнопочками. Коробочка по внешнему виду напоминала пульт дистанционного управления сигнализацией автомобиля. Хейти, знаящий по опыту, что могут скрывать подобные коробочки, насторожился.

Урмас внимательно посмотрел в глаза Хейти. Глаза его напоминали какие-то мутные колодцы стоячей воды. Не черные, не серые, а именно мутные... Какого-то мертвого, устричного цвета.

«Внимание!!! – закричал внутренний голос. – Внимание!!!»

Хейти вскочил... Или попытался вскочить... Или стул ушел куда-то вниз... Палец Урмаса медленно опустился на кнопочку... Звук... Звон... Высокочастотные модуляции...

«А-а-а-а-а!». – закричал кто-то в голове Хейти.

Волосы на затылке встали дыбом, спина выгнулась... Он оттолкнулся ногами от пола и, запрокинув голову, упал на спину, хрипя и трясясь.

Перед его глазами мелькнула морда огромного лося. Он посмотрел на Хейти влажными глазами. Мотнул головой... Подхватил на огромные, крепкие рога и поскакал. В лес. Пролетываясь через кусты. Черные кусты на белом снегу.

Черный. Белый. Черный. Белый. Стук. Бам. Стук. Бам...

Поезд. Колеса.

«Чай будете?» – Голос проводницы.

«Да», – свой голос Хейти узнал не сразу. Потер виски.

Все в порядке. Только кто-то тихо поскуливает в голове, словно побитый.

«Вот так поспал...» – промелькнула не совсем понятная, но на удивление успокаивающая мысль. В голове было пусто. О вчерашнем дне Хейти не помнил ничего.

ГЛАВА 7

В трех сосенках гуляя, насмерть замерзли оба...
Егор Летов

В библиотеке Сергей просидел три часа. О катастрофе в Розуэлле он ничего не нашел, равно как и упоминаний о каких-либо секретных институтах в родном городе. Перерыв подшивки послевоенных газет из фонда, он распрощался с библиотекаршей, пухленькой дамочкой лет сорока пяти с диким макияжем, и, как только вышел на пропахшую мочой библиотечную лестницу, его как громом поразило.

Екатеринбургский!

Краевед-фанатик, который всю жизнь посвятил белым пятнам в истории родного города и области, написал штук двенадцать так и не изданных книжек и устраивал в прошлом году акцию по установке на площади Ленина взамен означенного Ильича памятника Ионе Якиру, которого якобы пленили в нашем городе наймиты Сталина. Краевед был съехавшим не только на истории края, но и на демократии гайдаровского толка, что не слишком импонировало Сергею, но делать было нечего.

Найти Екатеринбургского оказалось проще простого – он, как всегда, сидел на лавочке в парке имени Гоголя и кормил хлебом двух облезлых голубей. Голуби курлыкали, давились кусками и отгоняли нахального воробья, также пытавшегося примазаться к халяве.

– Здравствуйте, Дмитрий Дмитриевич, – сказал Сергей, присаживаясь рядом с краеведом. Тот индифферентно посмотрел на него, подвигал густым пучком седых волос, означающим бороду, и пробасил:

– Здравствуйте, молодой человек.

– Капитан Слесарев. Из милиции, – заметив в глазах краеведа настороженный огонек, поспешил уточнить Сергей.

– Удостоверение, – жестко сказал Екатеринбургский.

Сергей показал корочку.

– Благодарю. А я думал, комитетчик... – этим словом краевед выразил редкое сочетание пренебрежения и боязни. Насколько Сергей помнил, особым диссидентом Екатеринбургский никогда не являлся, но среди приверженцев Новодворской и компании было модно строить из себя пострадавших от органов.

– Я к вам, Дмитрий Дмитриевич, как к профессионалу. – Сергей хотел было сказать: «Как профессионал к профессионалу», но удержался. – Не поможете ли?

– Весь внимание, – сказал краевед, рассеянно кроша последний ломоть хлеба.

– Недавно один человек мне сказал, что в нашем городе есть секретный научно-исследовательский институт. После войны вроде бы открыли. Вы ничего об этом не слышали?

Краевед потер переносицу,

– Угм... Ну, научно-исследовательских у нас три: Гипрострой...

– ... мелиоративный и люпина, – закончил за него Сергей. – Это я знаю. Вот и интересуюсь, не было ли каких-то слухов, сплетен... Может быть, попадалось вам что-то в архивах...

– Угм... – Краевед сунул в рот оставшуюся в пальцах хлебную корку. – Я не уверен... Академик Дубов в беседе со мной ссылался на то, что в 1968 году в нашем городе встречался, и неоднократно, с Патонем. Знаете, кто такой Патон?

– Тоже академик...

– «Тоже академик», – фыркнул краевед. – Выдающийся академик! Metallург, специалист по сварке мирового значения! Только вот что он у нас тут делал – не могу знать, поскольку никто у нас сплавами не занимается. Сталелитейного тогда еще не было, его пустили позже...

Тем не менее Патон находился здесь примерно три месяца, к тому же, по воспоминаниям Дубова, с довольно представительной делегацией. Это было что-то оборонного значения. Вот вам зацепочка, господин капитан.

– А сам Дубов что здесь делал?

– Дубов как раз занимался люпином. Он сельхозник...

– А где он встречался с Патоном?

– Как я понял, в НИИ люпина и встречался. А что?

– НИИ люпина? А его в каком году построили?

– Весь комплекс – не могу сказать, тем более его и сейчас достраивают... Первые здания датированы началом века, там был конезавод, а чисто институтские здания строили сразу после войны. Сам же НИИ открылся в 1945 году, еще до победы. Первым директором...

Краевед явно настроился на небольшую лекцию, но Сергей прервал его:

– А литература об институте есть?

– Есть небольшая юбилейная монография Кузьменко, вышедшая в 1985 году. Спустя десять лет напечатали проспектик, маленький такой... Больше ничего.

– Так. – Сергей встал. – Дмитрий Дмитриевич, вы, конечно, понимаете, что наш разговор...

– О да, да, – закивал краевед. – Ни в коем случае. Я полагаю, комитет не в курсе? Это что-то частное?

– Я не хотел бы, чтобы комитет был в курсе, – заговорщически сказал Сергей. – Сами понимаете...

– О да, да! – еще пуше закивал краевед.

Как полезны недосказанности, подумал Сергей. Откланявшись, он вернулся в библиотеку. Разноцветная дамочка заулыбалась и тут же принесла ему просимую монографию Кузьменко и проспект 1995 года.

Более всего интересовал Сергея план института. Он неоднократно проезжал мимо на рейсовом автобусе, видел издали белые и розовые здания НИИ, но никогда не был вблизи, не говоря уже о самом институте. В сравнении с торчавшими посередине города Гипростроем и мелиоративным, НИИ люпина был в крайне выгодном положении – на окраине, к тому же располагал огромной территорией. Да Гипрострой и появился году в семьдесят втором, вспомнил Сергей.

План был простенький, без особых деталей. Главный корпус, лаборатории, делянки, гаражи, мехстанция, хозяйственные строения... В принципе придраться не к чему, но внимание Сергея привлек так называемый «корпус Е», стоявший на отшибе, метрах в пятистах от главного здания. Если и есть что-то секретное, то здесь, решил Сергей. Лесок вокруг, никто носа не сует... Да и вообще, что может быть скучнее и обыденнее, нежели НИИ люпина?

Прспект 1995 года оказался парадным и бессодержательным, поэтому Сергей его вернул, а монографией помахал перед носом библиотекариши:

– Можно мне эту книжечку взять на время?

– Берите, – улыбнулась та. – Только не потеряйте!

– Не стану, – пообещал Сергей.

Из автомата он позвонил Зотову, который, по счастью, оказался на месте, и спросил:

– Что делаешь?

– Бытовуха, – скучным голосом отозвался тот. – Жена мужа молотком... В реанимации.

– Муж?

– Нет, жена. Напились какой-то спиртовухи, типа денатурат, поссорились... Она его молотком, башку прошибла, потом помирились, спиртовуху допили, баба с катушек, мужик «скорую» и вызвал. Ему башку тоже штопают.

– Бросай своих алкоголиков, возьми машину, и поехали со мной. По старичку интересное всплыло.

– Какую машину? – удивился Зотов.

– Возьми у Хенкина ключи или у Купченко. Скажи, срочно надо.

– Возьми... – заворчал Зотов. – Ладно, попробую. Тебя где ловить?

– На Либкнехта, возле молочного.

– Через десять минут буду.

Зотов появился, но не через десять минут, а через полчаса. Он приехал на сером «Москвиче-412» и, когда Сергей залез в машину, принялся ругаться:

– Никто машины не дает, а? Друзья называется! Коллеги!

– А этот рыдван чей?

– Старшины Бадякина. Он мне полтинник был должен, я ему списал, только тогда согласился. На три часа!

Зотов сердито шелкнул по лбу сплетенного из разноцветных проводов чертика, висевшего на зеркале.

– Поехали в НИИ люпина, я тебе по дороге чего-то расскажу.

Историю с тарелкой и таинственным институтом Зотов воспринял неожиданно спокойно.

– Еще и не то бывает, – заметил он, лихо подрезая какую-то иномарку. – Я вот в газете читал...

– То в газете, а то у нас в городе. Ты хоть раз в этом люпине был?

– Чего мне там делать? Я что, животновод?

– А почему животновод?

– Ну, люпин же вроде коровы жрут... Или нет?

– А хрен его знает.

Они подъехали к проходной НИИ, вернее, к большим старинным воротам с облупившейся краской. Ворота были открыты настежь, в будке с застекленными окошками никто не сидел.

– Высшая степень секретности, – хихикнул Зотов. «Москвич» въехал на территорию института и по разбитой асфальтовой дорожке подъехал к главному корпусу.

Мимо прошел мужик в грязном белом халате с какими-то банками в руках. Он безразлично глянул на машину и скрылся в подвальной двери.

– Куда теперь? – спросил Зотов. – Оставим тачку здесь и пойдем.

Сергей сверился с планом: да, вон та дорожка, обсаженная пихточками, должна вести к корпусу Е. Они заперли машину – на этом настоял Зотов, сказавший, что «не собирается доверять ученой братии, которая вмиг вывинтит бадякинскую магнитолу», – и пошли по дорожке. По пути встретился еще один мужик в не менее грязном халате, он вез тележку с двумя пластиковыми мешками, наполненными бело-розовыми гранулами. На появление чужаков мужик никак не отреагировал.

Вскоре над вершинами березок показалась шиферная крыша корпуса Е. Вокруг пахло весной, вдоль бордюров валялись бычки и мусор, с разбитого фонаря свисал на проводах пустой патрон от лампочки.

– Ну и бардак у них тут, – констатировал Зотов.

– Ученые... – Могли бы и прибраться

– Им сейчас не до того. Оборонные институты закрывают, а кому их люпин надобен? Небось зарплату года два не получали...

Корпус Е представлял собой такое же розовое облезлое здание, как и главный. Немытые окна были местами с трещинами, местами заклеены бумагой или закрашены изнутри. На первом этаже, возле турникета-вертушки, их встретил дед ушка-вахтер.

– Вы к кому? – спросил он, отложив газету и высунувшись из своего оконца. У дедушки было плохо побритое скомканное личико с ясно-голубыми младенческими глазками. От личика даже на значительном расстоянии шибало сивушным перегаром.

Такого вопроса Сергей не предусмотрел и наугад брякнул:

– К директору.

– К Толстопятову, что ль? Так его нет, он в Москве.

– Да мы знаем. Мы к тому, кто за него, – встрял Зотов. – Этот, как он...

– Бачило? Так он не тут. Он в главном сидит, на третьем этаже.

– Там сказали, сюда пошел. Это корпус Е?

– Е. Сюда? Не иначе проглядел... Я по нужде отходил, он, видно, и прошел. Вы на втором этаже посмотрите, в лаборатории, только там и может быть.

Поблагодарив бдительного вахтера, Зотов и Сергей поднялись по темной лестнице с расшатанными перилами на второй этаж.

– Ну и секретный объект, – бурчал Зотов. – Да тут рухнет все со дня на день! На лестничной площадке второго этажа их встретил всклокоченный мужчина в белом – на этот раз чистом – халате. – К кому? – с ходу спросил он.

– К Бачило, – выдал Зотов.

– Я Бачило. Не имею чести... «Вот тебе раз, – подумал Сергей. – Бачило-то и в самом деле тут. Занесла нелегкая... Что ж теперь делать?»

– Капитан Слесарев, старший лейтенант Зотов. – Сергей сунул под нос заместителю директора удостоверение.

Тот не сдался:

– А что, собственно, случилось?

– Где можно с вами поговорить?

– Да хоть бы вот здесь. – Он распахнул дверь с непонятной надписью «ХБ-12». Это оказалась пустая комната с рядом стульев у стены и большим шкафом в углу, запертым на висячий замок. В комнате ощутимо пахло кошками и хлоркой.

– Прошу. – Бачило указал на стулья и сел сам.

– Спасибо. Мы, собственно, по вопросу... – Сергей не знал, с чего начать неожиданный разговор с мифическим Бачило, оказавшимся на месте совсем некстати. – По вопросу... Вы не знали такого Корнеева Бориса Протасовича?

– Корнеев... Корнеев... – Бачило задумчиво поморгал водянистыми глазами. – Не припоминаю. У нас работал?

– Да нет. Есть вероятность, что у вас в институте его просто... могли знать. И вообще, если можно, расскажите нам немного об институте.

– А что рассказывать? Сдыхает институт, – нервно сказал Бачило. – Финансирование никакое, что из федерального бюджета, что из областного... Сокращение вот недавно провели.

– Значит, совсем плохи дела? – посочувствовал Зотов.

– Совсем.

– А как же побочные проекты?

– Что вы имеете в виду? – воззрился на Сергея Бачило.

– Например, вот это. – И, действуя, скорее, по наитию, Сергей показал ему давешнюю «карту».

– Что это такое?

– Вы не знаете?

– Первый раз вижу. Зачем вы мне это показываете?..

Бачило смотрел на нее несколько мгновений, но Сергей мог поклясться, что за этот короткий промежуток времени в глазах ученого промелькнуло все: испуг, подозрение, удивление...

Но прежде всего – испуг.

ГЛАВА 8

*Ты щедро опекаем КГБ.
Егор Летов*

Ленинградский вокзал встретил весенней, истошной воробьиной стаей. Совершенно ошалевшие от тепла воробьи резво носились по всему перрону и орали так, будто только что собственноручно завалили кота и теперь опасаются мести со стороны его родственников.

«Или по-русски правильной сказать собственнок-лювно?» – подумал Хейти, припоминая особенности языка этой ненормальной страны.

– Касатик, ай красавец, можно спрощу, а? – Какая-то то ли давно не мытая, то ли просто от природы смуглая толстуха в цветастом платке торопливо подкатила сбоку, внимательно и оценивающе заглядывая в глаза.

– Нельзя, – отрезал Хейти машинально. Цыганка со свойственной ей пронизательностью сообразила, что ловить тут нечего, и испарилась. А может быть, так на нее подействовал маячащий неподалеку патруль.

Хейти стоял на перроне, всеми силами сопротивляясь воробьиной суетливости и этому общему птичье-людскому сумасшествию. Его, отвыкшего от теплого ветра и солнечного тепла жителя северной Эстонии, ослепляли крики птиц, оглушали лучи солнца, толкало со всех сторон тепло... Дурацкое желание распирало изнутри, хотелось улыбаться во весь рот и идти... Куда попало.

Хотя куда попало идти как раз не стоило.

Стоило отойти чуть-чуть от вагона и встать. Деланно проверить документы. Потянуть время. Осмотреться.

Осмотреться ему не дали. Двое. Почти сошедшие с афиши гангстерского боевика или типового сериала о зловещей роли спецслужб в жизни государства. Белые рубашки, накрахмаленные до хруста, черные костюмы, остроносая обувь, короткая стрижка.

«Люди в черном», – подумал Хейти и на всякий случай встал так, чтобы большая спортивная сумка была между ним и этими приятными людьми.

Приятные люди сей маневр оставили без внимания и аккуратно обошли сумку с двух сторон, остановившись в полутора шагах от Хейти. Удобная дистанция для любых действий – от дружеского разговора до задержания.

– Здравствуйте, – произнес один приятный человек. Его Хейти решил именовать Первый.

– Добрый день, – сказал второй приятный человек, тут же получивший от Хейти банальное прозвище Второй.

– Приветствую вас, – нейтрально отозвался Хейти.

– Хейти Эвальдович? – спросил Первый.

«Господи, по отчеству меня не называли лет так... Двенадцать. Наверное, с самого начала „поющей революции“, – удивленно подумал Хейти. В эстонской традиции обращения к человеку отчество не использовалось.

– Карутар? – спросил Второй.

– Совершенно верно, – ответил Хейти, а про себя подумал: «Классно сработались парни!»

– Нам приказано вас встретить. И разместить.

Хейти, улыбаясь, кивнул. Однако с места не тронулся.

Парни удовлетворенно кивнули и выхватили удостоверения. Так выхватили, что Хейти даже не смог рассмотреть, откуда и каким образом они оказались в их руках.

Порассмотрев корочки, Хейти кивнул и поднял сумку:

– Пошли.

Теперь, однако, молча стояли парни, и пришла очередь Хейти лезть за своим удостоверением. После чего парни взяли Хейти в оцепление и, обеспечивая ему коридор в привокзальной толпе, бодрой рысцой домчались до черной, хищно вытянутой машины. Хейти даже марку разглядеть не успел, только бухнулся на мягкое сиденье, вежливо, но четко оказавшись зажатым между двумя широкоплечими ребятами.

Когда автомобиль тронулся, Хейти подумал, не мрачно, но с оттенком фатализма: «Как в кино».

Ощущение «киношности» происходящего усугублялось еще и тем, что всю дорогу молодые люди справа и слева молчали и смотрели перед собой. Шофер впереди вообще казался отлитым из какого-то высокоуглеродистого сплава. Очень прочного и гибкого только в местах, положенных по уставу.

За окнами мелькали улицы, другие автомобили, дома, люди... Все пестрое, чрезмерно быстрое и какое-то нереальное. Огромная столица бывшей метрополии.

«Теоретически предполагаемый противник, – подумал Хейти и посмотрел на ребят по бокам от себя. – Они тут все такие? Ну чисто какая-нибудь серия Джеймса Бонда...»

Между тем за окнами мелькнула какая-то площадь, и вскоре машина въехала в гараж.

Дверцы открылись, и Хейти неуклюже выбрался наружу.

– Прощу вас, – сказал Первый и сделал приглашающий жест рукой куда-то в сторону полутемной лестницы.

Второй подхватил сумку и вопросительно посмотрел на Хейти.

«Сейчас заведут в подвал и будут истязать. Выпытывать государственные тайны, – подумал Хейти. – Расколую сразу, пусть комиссар отдувается».

Мысль была, конечно, несерьезная, но и что-то серьезное в ней было, потому что, поднявшись по лестнице, они прошли ряд каких-то на редкость мрачных коридоров.

– Архивы, – глядя перед собой, сказал Первый. В ответ Хейти что-то пробурчал, но про себя подумал: «Они еще и мысли читают...»

– Прибыли, – произнес Первый, кивком головы указывая на длиннющий коридор с множеством дверей.

Хейти только открыл было рот, как из-за ближней двери раздались приглушенные выстрелы и кто-то закричал.

Второй чуть поморщился, сделал два шага вперед и, открыв вышеупомянутую дверь, сказал:

– Евгений Алексеевич, сделайте колоночки потише. Орут, в коридоре слышно.

За дверью что-то зашебуршало, а потом громкий голос позвал:

– А! Игорек, заходи! Я новые драйвера слил, «квака» идет, закачаешься!!!

Второй, он же Игорек, кинул извиняющийся взгляд в сторону Хейти и ответил:

– Не могу, Евгений Алексеевич. Мы гостя должны сдать на руки Графину.

– Гостя? – В кабинете завозились, что-то упало. – Это этот... Латыш, что ли?

Игорек снова кинул взгляд на Хейти, тот сделал вид, будто не услышал.

– Не совсем.

Из дверей выскочил невысокий, лет пятидесяти, человечек, с лысиной, излучающий неиссякаемую радость. Он мигом подскочил к Хейти и схватил его руку.

– Ростовцев Евгений Алексеевич. Заместитель начальника финотдела. – Он представлялся бодро, говорил громко, яростно тряс руку. И вообще был весел неумно, несмотря на явно слабо функционирующий слуховой аппарат и жутковатый шрам, что выглядывал из густой черной бороды. – Если бы не я, эти охламоны зарплату бы не получили... Точно вам говорю!

– Хейти. Карутар. Следователь отдела служебных расследований Полиции Безопасности Эстонской Республики. – Хейти вел себя сдержанно, хотя зам-начальника финотдела ему явно нравился.

– О! Я ж говорю! – обрадовался Евгений Алексеевич. – Я ж говорю! Из Эстонии... Зайдемте!

– Мне еще надо... – начал было Хейти.

– Зайдемте-зайдемте! – тянул его за руку Евгений Алексеевич. – Я такие драйвера слил... Это что-то невероятное, поверьте. Вы вообще с компьютерами как?

– Никак, – лаконично ответил Хейти, заходя в кабинет.

– Зря... Ох, зря... – даже расстроился Евгений Алексеевич. – Интереснейшая штука, честное слово. Вот, вы только послушайте. И посмотрите.

Он что-то там нажал, и в комнате стекла задрожали от грохота.

Игорек и пока безымянный Первый даже пригнулись, а Хейти зажмурился.

– Гхм... – в наступившей гулкой тишине сказал Евгений Алексеевич. – Извините... Не туда рычажок закрутил. Динамики меняю все время, не выдерживают... М-да... Но каков эффект?! А графика? Посмотрите.

Хейти посмотрел. На экране была лужа крови, кто-то дрыгался, изображая очень тяжкие предсмертные муки.

Вдруг в динамиках тяжело задышали, и экран стал дергаться красным.

– Ах, сволочь, ах, гадина... – Евгений Алексеевич, изогнувшись в сторону, словно уворачиваясь от выстрелов, изо всех сил вдавил клавиши. На мониторе ландшафтик заскользил с невероятной скоростью куда-то вправо. Сопровождающие Хейти ребята только шеи вытянули.

Скромный замначальника с профессиональным прищуром расстреливал какого-то парня в бронежилете из странного, экзотического оружия. Наконец парень в бронежилете завалился, вероятно придавленный к земле количеством пуль, которые были в него всажены.

– Да! – удовлетворенно сказал Евгений Алексеевич. – С такими правильными драйверами я Гоблина в следующий раз на котлеты изведу. Знаете Гоблина?

– Нет...

– Один наш сотрудник. Бывший. У него страничка в Интернете. Тупичок или чердачок Гоблина... Как-то так называется, точно не помню. Все по квейку. Так мы с ним сколько на соревнованиях схлестывались, все время он на одно очко впереди. Но тут я его точно замочу! Слово даю.

– Ой, не зарекайся, – произнес Первый, явно понимая, о чем идет речь.

– Я тебе клянусь, Игорек! – Евгений Алексеевич вскочил со стула, прижал руку к груди. – Я тебе клянусь! Он обошел меня в прошлый раз только за счет его железа...

«И этот тоже Игорек? – про себя подумал Хейти. – Удобно им, честное слово, назови Игорьком любого, не ошибешься».

Тем временем его окружение явно село на свою любимую тему и слезать с нее никак не хотело. Игорьки расхваливали мифического Гоблина, а Евгений Алексеевич смешивал его с грязью.

Хейти осторожно кашлянул.

– Да, – тут же оторвался от спора первый Игорек. – Вы уж извините, Евгений Алексеевич, но нам надо гостя на руки Графину сдать. Потом мы подойдем. Драйверочки вы отложите...

– Конечно, конечно! – Евгений Алексеевич снова схватил Хейти за руку. – Вы заходите, обязательно заходите... Новый человек... Это, знаете ли, да...

Они вышли в коридор.

– Кто такой Графин? – спросил Хейти у одного из Игорьков.

– Гхм... – Игорь прокашлялся. – Это, как бы вам сказать, это начальник наш. В некотором роде. Ответственный. А Графин это у него кличка такая... Не по делу, конечно.

– А почему Графин?

– Э-э-э... Случай у него вышел такой один раз. Давно на одной операции. – Игорь несколько смущенно замолчал. – Вы ему не говорите, он сердится, когда его так называют.

– Понятно, – ответил Хейти, а про себя подумал, что было бы неплохо выяснить, на какой такой операции начальник получил эту звучную кличку.

К нужной двери они подошли в молчании.

ГЛАВА 9

Как платит Незнайка за свои вопросы...
Егор Летов

– Напрасно мы это сделали, – заключил Зотов, когда они выехали из ворот НИИ люпина. – Навели шухеру, Бачилу этого испугали. Он ведь напугался, а?

– Напугался вроде.

– Теперь побежит по начальству докладывать. И придут за нами из конторы, потащат в подвал...

– ... и пристрелят, – в тон Зотову продолжил Сергей. – Осторожно, старушку задавишь!

– Хрен с ней, – злобно сказал Зотов, объезжая бабку с большой авоськой пустых бутылок. – На той неделе рядовой из ППС такую одну через дорогу перевел. Через Ленина, там движение дикое, а светофор так настроен, что едва-едва успеваешь на зеленый пройти, а бабка-то дряхлая... Говорит, переведите меня, товарищ милиционер. Мальчик был молодой, дурной, поперся... Так она у него по дороге «черемуху» свистнула. На хрена, спрашивается, бабке «черемуха»?

– Потерял небось.

– Да ну. Я тоже на бабку грешу.

Сергей покосился на Зотова. Старший лейтенант был парень не промах: идиотские выходки у него удачно сочетались с успехами по работе. У Зотова был нюх на наркотики, что у твоей служебной собаки, он умел безошибочно определять, поддельная водка в ларьке или же нет, чему дивились эксперты, в драке не прятался, в одиночку задержал на железнодорожном вокзале чеченца с гранатой, причем этой же гранатой так приложил черного по башке, что тот едва не околел.

Начальства Зотов не боялся, зато боялся супруги, симпатичной блондинки-фармацевта, и тещи, заслуженного учителя. Поэтому начальник отделения в крайних случаях прибегал к угрозам типа «Позвоню-ка я Анне Ивановне», и Зотов тут же становился тише воды и ниже травы.

Сергей работал с Зотовым уже без малого пять лет и работой этой был доволен. Особенно после того, как однажды Сергею на спину кинулся наркоман с заточкой, а Зотов этого наркомана скрутил.

У старшего лейтенанта была добродушная розовая морда, усыпанная веснушками, и бритая наголо голова странной бугристой формы, придававшая ему сходство с киношным «новым русским». Сейчас он вертел этой головой и бубнил не переставая:

– Ну вот... Зря только полтинник угрохал за тачку. Нечего мне больше делать было... То б я с него бутылку содрал, что ли...

– Ладно, не ной, – оборвал его Сергей. – Съездили не зря. Люпин наш – не только люпин, так что можно копать по новой.

– Накопаешь ты... Траншеекопатель нашелся. Вот придут сейчас фээсбисты, заберут дело, и все тут. Небось Бачило этот уже звонит всюю. Сука. Вот в тридцать седьмом году он бы наверняка обкакался, приди к нему сотрудники НКВД в наших чинах. С цветами бы у входа встречал. А тут как будто с улицы зашли... Как пионеры за макулатурой...

– Хорош тебе бубнить.

– А ты не слушай. Это я так, для себя.

– Мне-то слышно.

– А ты вон музыку включи. И вообще, вся история твоя, кэптен, белыми нитками шита. Не верю я ни в миску твою, ни в страшные истории.

В кабинете Сергей пнул ни в чем не повинный стул и убрал в сейф злополучную черную пластинку. Его почему-то особенно раздражало то, что в городе, где он родился и вырос, где знал, казалось бы, каждый уголок, творилось, оказывается, нечто глубоко законспирированное. Что бы там ни говорил скептик Зотыч, а дело нечисто.

Черт с ней, с тарелкой летучей, хотя Сергей в них сроду не верил. Сам факт существования под видом идиотского НИИ люпина замаскированного объекта Сергея бесил. Он нервно выпил несколько глотков воды из треснутого графина, и тут задребезжал телефон.

– Слесарев, – буркнул Сергей, сняв трубку.

– С Добровольского беспокоят, – ответил мягкий, приятный голос.

– Усиков?

– Нет. Вы не могли бы, товарищ капитан, подойти сейчас к нам? Возникли кое-какие вопросы.

– Так срочно?

– Да, если можно. Вам все скажет дежурный внизу.

– Хорошо.

Это явно был Бачило. Вернее, реакция на звонок Бачило в известные службы. Трусоватый замдиректора пожаловался на досужих милицейских, которые что-то знают, и вот теперь, согласно предсказаниям разумного Зотова, дело забирает ФСБ. Плюс надерут задницу за то, что лезем куда не след...

Надо что-то делать.

Надо что-то делать!

Сергей открыл сейф, извлек инопланетный вещдок и сунул в карман пиджака. Потом поднялся к экспертам. Борисыч ковырялся в стареньком радиоприемнике «Океан» и промямлил:

– Садись, что ли... – Некогда. – Сергей положил на стол пластинку. – Что-нибудь подобное у тебя есть? Похожее? Хотя бы отдаленно?

– Ну... – Борисыч выдвинул ящик стола, покопался в груде радиодеталей, пузырьков, исписанных блокнотов и каких-то вовсе уж непонятных предметов и предметиков. – Вот, например. Похоже?

Это была старая печатная плата. Не черная, коричневая.

– Цвет не тот.

– Цвет сейчас исправим. – Борисыч положил плату на газетный лист, взял с полки баллончик-распылитель и побрызгал плату черной краской. В воздухе запахло гниющими фруктами, и Сергей чихнул.

– Сохнет моментально. – Борисыч перевернул пластинку и повторил процедуру. Потом горделиво повертел изготовленной фальшивкой перед носом у Сергея.

– Весьма отдаленно, конечно...

– Сойдет. – Сергей спрятал пластинку. – А эту, настоящую, припрятать куда-нибудь.

Борисыч пожал плечами и бросил пластинку туда же, в ящик стола.

– Где умный человек прячет лист? – спросил он риторически.

– Это ты к чему? – не понял Сергей.

– В лесу. Гилберт Кит Честертон. Тут ее и искать никто не станет, а если и станет – вон их сколько...

– Ты-то сам найдешь?

– Найду. Я тут хозяин. Только чует мое сердце, впутался ты, капитан, в неинтересное дело.

– Это уж как посмотреть, – сказал Сергей и пошел сдаваться ФСБ.

Внизу сидел давешний дежурный, который велел Сергею идти в седьмой кабинет. Он оказался по соседству, и Сергея там ждали.

Один, в зеленой китайской ветровке, стоял у окна и задумчиво смотрел на хилый кактус. С появлением Сергея он ничуть не оживился, словно бы и не заметил его.

Второй, в дорогом с виду бежевом костюме, сидел за столом и листал журнал «Российская Федерация сегодня» с портретом Егора Строева на обложке. Этот, напротив, обрадовался Сергею, как долгожданному гостю, отложил свое чтение и сделал изящный жест в сторону продавленного винилового кресла:

– Слесарев? Садитесь.

«Обойдутся без слов благодарности», – решил Сергей и молча уселся. Созерцатель кактуса оторвался от своего занятия и подошел к столу. Буду звать их Костюм и Кактус, подумал Сергей. Все равно не представятся.

– Что там у вас за дела в НИИ люпина? – прямо начал Костюм. Голос у него был мягкий и приятный, стало быть, он и звонил.

– Расследование убийства гражданина Корнеева.

– Всплыло что-то интересное?

– Да нет... Ерунда.

– И тем не менее. Насколько нам известно, у вас имеются любопытные вещественные доказательства. Не так ли?

– Доказательства? – сделал круглые глаза Сергей. – Первый раз слышу. – Ладно вам, капитан, – презрливо поморщился

Кактус. У этого голос тоже был мягкий и приятный.

Может, звонил и он. – Вы прекрасно понимаете, что влезли в чужую епархию. Давайте выкладывайте, что вы там нарыли.

– Дело забирает ФСБ? Я не видел никаких документов на сей счет.

Кактус еще больше сморщился. Обоим с виду было лет по тридцать – тридцать пять... Капитаны? Майоры? Вряд ли выше.

– Покажите мне приказ, – упорствовал Сергей.

– Мы можем показать вам любой приказ, – вкрадчиво сказал Костюм. – О том, что дело передано ФСБ, о том, что дело закрыто, и даже о том, что вы – главный подозреваемый. Мы с вами не шутки шутим, капитан Слесарев.

– Охотно верю.

– Правильно верите. – Костюм многозначительно посмотрел на Кактуса, тот добавил:

– Поэтому советуем отдать нам все вещественные доказательства по делу. В частности, черную пластиковую карточку.

– Это дерьмо? – Сергей поднял брови. – Бог мой, из-за чего сыр-бор, оказывается. Да на здоровье.

Он вытащил из кармана покрашенную Борисычем плату и швырнул ее на стол.

Оба чекиста подскочили, словно ожидали взрыва. Потом Кактус осторожно, двумя пальцами, взял фальшивку, а Костюм прошипел:

– Аккуратнее! Вы не представляете...

– Чего представлять-то? От приемника или от телика отломано, – беззаботно сказал Сергей. – Там и отпечатков-то никаких не было...

Кактус свободной рукой достал из-под стола небольшой контейнер, с виду металлический, с откидывающейся крышкой, и опустил туда пластинку. Костюм тем временем наставительно сказал:

– Не те у вас в милиции возможности, капитан. Это все? – Записные книжки на работе валяются... Могу принести.

– Я сам зайду, если вы не против.

– Да ради бога. Хоть сейчас.

– Нет-нет, мы еще не закончили. – Кактус убрал свой контейнер и присел на краешек стола. – Так что вас привело в НИИ люпина?

– Информатор, – пошел врать Сергей, понимая, что нужно что-то отвечать, В самом деле, какого черта их понесло в этот НИИ? Теперь Сергей понимал, что вся операция была дурацкой и непродуманной, что нечего было соваться к Бачило и вообще лезть в НИИ, но поздно, поздно... Сбили с толку эти летающие тарелки...

– Фамилия?

– Это же наш информатор, – осклабился Сергей. – Я же фамилии ваших не выспрашиваю. Профессиональная тайна.

– Ладно вам. – Кактус опять поморщился. «Этак лет через десять сильно состарится», – подумал Сергей злорадно.

– Я серьезно. Да и информатор так себе, алкоголик-бутылочник. Видел, как дед туда ездил зачем-то, вокруг бродил... Он там бутылки по кустам собирает – место приятное, парочки туда любят заглянуть, нет-нет да и раздавят флакон-другой...

– И что?

– Да ничего. Решили съездить в свободное время, чтобы в кабинете не киснуть. А эту штучку я у деда в кармане нашел. Все-таки подозрительно, согласитесь: чего он ее с собой таскал? Был бы телемастер или радиолюбитель, а то – ваш коллега бывший... Я и заинтересовался. Показал этому... Бучило, или как его там, ученый все же. Он не знал. А что, секретная штука какая-то?

– Не особенно, но и валяться ей где попало не положено. – Костюм, казалось, успокоился. Сергей походил на обычного туповатого мента, который сдуру ухватился за первую попавшуюся ниточку, – И все же, фамилия информатора? Где найти?

– Кирдан, – сказал Сергей.

– Это кличка? – Фамилия такая – Кирдан. То ли хохол, то ли молдаванин. Он и сам не знает, думаю... А найти легко, он обычно вечером возле «Ласточки» толчется, ждет, пока угостит кто-нибудь. Здоровый такой мужик, бородатый

Костюм удовлетворенно кивнул. Кактус тоже удовлетворенно кивнул. Сергей подождал секунду-другую и сделал то же самое. Полная идиллия.

Чекисты переглянулись

– Значит, Корнеев бродил возле НИИ И у него в кармане была вот эта пластиночка, – скорее утвердительно, нежели вопросительно сказал Костюм.

– Я ж говорю... – заулыбался Сергей. – Может, он там тоже бутылки собирал? Хотя пенсия у него хорошая, наверно. У вас как с пенсиями?

– А? С пенсиями? – растерянно переспросил Костюм и оглянулся на Кактуса.

– Ну да, с пенсиями. Больше, чем милицейские? А то у нас полковник Дядькин ушел в январе, жалуется...

– Нормально с пенсиями, – отрезал Кактус. – Можете идти. И записные книжки приготовьте, за ними зайдут. Да не болтайте языком и коллегу вашего предупредите.

Черта с два Сергей пошел готовить записные книжки. Он поспешил к «Ласточке» – затрапезному пивбару возле автобусного вокзала, где днями сосал кислое с рождения пиво местного завода постоянный контингент. Разумеется, Кирдан был там – стоял у забора и вдохновенно смотрел на пластиковую полуторалитровую бутылку, наполненную мутным напитком. Видимо, рассуждал, выпить прямо так или разбавить одеколоном.

– Привет, Кирдан. Травишься? – спросил Сергей, подходя.

Кирдан поморгал свиными глазками, подвигал бородой и ничего не сказал. От него явственно пахло псиной, а грязь с рожи только что не сыпалась чешуйками.

– Хочешь заработать пузырь?

– Хочу, – сказал Кирдан. Это он понимал очень хорошо.

– Значит, так, слушай меня. Сегодня к тебе придут люди, будут спрашивать про старика одного, фамилия Корнеев. Повтори. Корнеев, старый старик. Очень старый. Корнеев.

– Корнеев, – повторил Кирдан, моргая.

– Хорошо. Покажут фотографию. Спросят, видел ли ты его, где, когда. Скажешь, видел возле НИИ люпина, он там часто ходил. Повтори. НИИ люпина, ходил, старик.

– Видел, НИИ люпина, ходил, – послушно повторил Кирдан. Подумал и добавил: – Часто.

– Молодец. Скажешь, что рассказывал это мне. Но не сегодня. Сегодня меня не видел.

– Сегодня не видел. Рассказывал не сегодня – Кирдан расплылся в улыбке, продемонстрировав ряд безупречных голливудских зубов. «Говори потом про „Блендамед“, – досадливо подумал Сергей. – Он же их сроду не чистил...»

– Завтра утром будь тут, получишь бутылку водки. Только ничего не перепутай! Повтори-ка еще раз.

Кирдан прокашлялся, словно чтец-декламатор, и довольно сносно повторил всю историю. Судя по всему, чекистов ожидала весьма приятная беседа, благо Кирдан многословием не отличался. В ожидании водки он будет бормотать «люпин – ходил – видел – не сегодня», и поди добейся от него еще чего-нибудь... Сергей дружески похлопал Кирдана по сальному пиджачному плечу и направился в отделение.

ГЛАВА 10

*Что бы ни случилось, все к лучшему.
Мертвые пчелы оглушительно гудят.*

Егор Летов

Сказать, чтобы эта неделя стала для Хейти особенно продуктивной и познавательной, было нельзя. Цели и задачи у всех отделов внутренних расследований одинаковые, различия могут только методы и средства.

Однако и в методике раскрытия и предупреждения служебных преступлений Хейти не обнаружил ничего для себя нового.

Нет, конечно, поражали масштабы деятельности, объемы исходящих и входящих документов, количество поступающей информации. Удивительной была степень проникновения агентов. Это, безусловно, вызывало зависть. Добиться такого количества свободы в условиях маленькой республики можно было только прямым указом президента с последующей ратификацией этого указа парламентом.

Но при ближайшем рассмотрении методика работы в Российской Федерации и методика работы в Эстонской Республике были одинаковыми, с поправкой на национальную специфику.

Гораздо больший интерес вызывали те, кто эту работу выполнял.

Настолько разнокалиберной публики Хейти еще в жизни не встречал. И никак не мог представить, каким образом эти люди оказались в солидной организации, да еще в таком серьезном отделе.

Оказалось, что близнецы Игорьки были не самой большой странностью службы. Оба Игоря, которые одним своим видом внушали любому уважение к органам, были скорее типичны для такой работы. Они походили на идеально сработанный механизм или, если угодно, на единый организм, по какой-то нелепой прихоти природы разьединенный на две физические оболочки, не потерявшие внутренней, глубинной связи. Как позже выяснил Хейти, Игорьки относились к той части оперативной группы, для которой не существовало невозможных заданий. Так что использование их в качестве сопровождающих для приезжего на внутреннем службистском языке могло означать очень высокую степень уважения к гостю. По крайней мере, именно так Хейти хотелось бы считать, хотя он понял, что именно в день его приезда в конторе была получка и основная масса работников, годных для встречи гостей, просто разбежалась.

Очень интересен был прямой начальник Игорьков, которому Хейти представили в первый же день. Полковник Лесков Владилен Макарович. По прозвищу Графин.

Личность это была грозная, вечно недовольная и готовая выдать разнос просто так, за разбросанные по столу бумаги. И ругался он довольно крепкими словами, нужно отметить, не теряя самого доброжелательного выражения на лице. И мог послать туда, куда его отец, Макар, телят не гонял, улыбаясь сочувствующей улыбкой все понимающего человека.

Еще Графин, то есть полковник Лесков, увлекался индуизмом вообще и йогой в частности, от занятий которой у него частенько ныла поясница и болели уже немолодые суставы. Однако достойного дела этого он не бросал, а, наоборот, старался привлечь к тайнам древней цивилизации всех и каждого. От него бегали, прятались, но обижались редко.

Хейти вспоминал своего комиссара и только морщился.

Сам Хейти Графином был забракован – по причине избыточного веса в йоги не годился. Поэтому прятаться от него утром не имело смысла, а было даже очень интересно попытаться соблазнить полковника чашечкой кофе и булочкой, от которой тот неизменно отказывался, как казалось Хейти, с сожалением.

Выяснить, почему же полковника Лескова назвали Графином, не удалось, сотрудники об этом разговор не вели, а спрашивать у самого Владилена Макаровича было как-то неудобно.

Помимо «интересного» начальства в отделе работала пара следователей, Слава и Клара, которые ненавидели друг друга страстно, но работать с кем бы то ни было другим отказывались наотрез, мотивируя свою тягу друг к другу какими-то странными и подчас нелепыми соображениями. У Хейти сложилось впечатление, что у Клары и Славы просто служебный роман. Однако когда он увидел, как Клара швырнула в Славу кофейником, который был полон горячим, только что вскипевшим кофе, идея насчет скрытого служебного романа стала выглядеть как-то не совсем естественно. В отделе говорили, что это не самая крутая выходка, потому что некоторое время назад то ли Слава, то ли Клара уже побывали в больнице из-за действий напарника, выразившего недовольство.

Нужно отметить, что раскрываемость у этого странноватого дуэта была самая высокая в отделе. За что им и прощались любые закидоны.

Но самым оригинальным человеком во всем отделе, если не во всем ФСБ, Хейти считал своего куратора. Лейтенанта Мельникова Руслана Тимофеевича.

Дело в том, что Мельников был мистик и полностью отвязанная личность. Прямо в стиле доблестного полицейского из фильма «Смертельное оружие», имя которого Хейти все время забывал, помня только артиста, Мэла Гибсона.

Руслан отличался тем, что видел мистику везде. Он знал наизусть имена четырнадцати особо приближенных к Сатане демонов. Он цитировал за утренним кофе строки из библейских апокрифов и на досуге, уже за вечерним кофе, обсуждал с Графином особенности отдельных моментов из «Махабхараты».

Он практиковал втайне от привыкшего ко всему руководства начертательную магию на исходящих документах и элементы гипнотического воздействия на подсудимых. На это начальство чихать хотело, лишь бы по почкам не лупил и на подозреваемых следов не оставлял.

В кабинете Руслана всегда странно и незнакомо пахло, то ли серой, то ли ладаном, а сам следователь Мельников внешне походил на известного инквизитора Торквемаду. И хотя сам Хейти этого мрачного средневекового господина в глаза не видел, но чувствовал, что если Торквемада когда-либо существовал, то и выглядеть должен был именно так. Темные волосы, стриженные под горшок, прямой нос, густые брови и костистое лицо. Следователь Мельников.

Вся эта развеселая компания, что активно трудилась на ниве разоблачения служебных преступлений, приняла Хейти очень легко. Незаметно из него вытянули все подробности жития в Эстонии, слегка поинтересовались: «как там русские?», угостили вкусными сырниками домашнего производства самой Клары и стали втягивать в дела так, чтобы и лишней информации не дать и гость был занят по уши.

Гость и не возражал.

Хейти даже с удовольствием занимался той работой, которую ему подсовывали сотрудники службы безопасности этого «теоретически предполагаемого противника». Искать приключений на свою голову не хотелось совершенно, поэтому в документы, что при его приближении «незаметно» переворачивались, Хейти не заглядывал. Удивительно, но он начал воспринимать эту командировку как неожиданный отдых и уже начал верить в то, что кончится все хорошо...

Нет никаких двойных ходов западных спецслужб, нет никаких подставок и запасных игроков, нет противостояния, и те двое, что сопровождают его каждый вечер до представительской квартиры на соседней улице, всего лишь прогуливаются, потому что им по пути.

И больше всего Хейти хотелось верить в то, что не было никакого потерянного дня. Не было. А просто он спал с перепоя. Весь день... Спал.

Или нет?

То, что произошло за день до поездки, Хейти вспомнить не мог. Как ни старался.

«А не плюнуть ли?» – в очередной раз подумал Хейти, глядя в белый, снежно-белый потолок квартиры, в которую его поселили.

– Можно и плюнуть, – отозвался в голове знакомый голос.

– Давно тебя не было, – задумчиво произнес вслух Хейти. И тут же спохватился, квартира должна была «слушаться». И она «слушалась», а Хейти просто расслабился сверх всякой меры.

– Точно, – подтвердил голос внутри. – Расслабился. Хотя причин к этому нет.

– Отстань, – вяло подумал Хейти.

– Хм, «отстань», это ж надо... – встрял в разговор ворчливый голос. – Он еще и огрызается. Дружок, ты вообще понимаешь, почему ты тут?

– Отстань!

– Ну, может, от него действительно отстать? – спросил у ворчливого первый голос.

Этого первого Хейти особенно любил. Первый почти всегда соглашался. Кроме исключительных случаев...

Исключительных.

Дыхание перехватило... Белый потолок резко опустился вниз... Вспыхнул ярким светом... Далекий внутренний крик, эхо... «А-а-а-а-а...» Далеко. Далеко...

Хейти вскочил, мотнул головой. «Что же это?!»

По спине бежал пот, дышать было тяжело. Казалось, что желудок вздулся и подкатил к горлу.

«Черт! Ведь это же было... Крик этот. Как вспышка памяти. Черт...»

Хейти помотал головой. Муть медленно рассеивалась.

«А что же меня навело?»

Однако момент ушел. Пропал, как не было. Теперь Хейти не мог даже вспомнить, какая фраза сыграла роль катализатора и какое воспоминание, или тень от воспоминания, заставило его вскочить с постели.

Голоса в голове молчали.

«Ну и отлично, ну и ладно... – прокралась осторожная мысль. – Завтра пятница. Потом выходные. Сходить надо будет куда-нибудь».

Он снова улегся в кровать. Однако беспокойство, что нахально поселилось с ним рядом, заснуть не давало.

Стараясь унять внутренний диалог, Хейти вдруг подумал о своих голосах.

Когда они появились, сказать было трудно. Складывалось ощущение, что он всегда жил с ними и эти несколько характеров были постоянными и верными друзьями. Иногда они, как подобает нормальным друзьям, даже ссорились и поднимали галдеж. Впрочем, это никогда не случалось в критические минуты. Когда на кон была поставлена жизнь или просто момент был ответственным, голоса Хейти плачались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.